
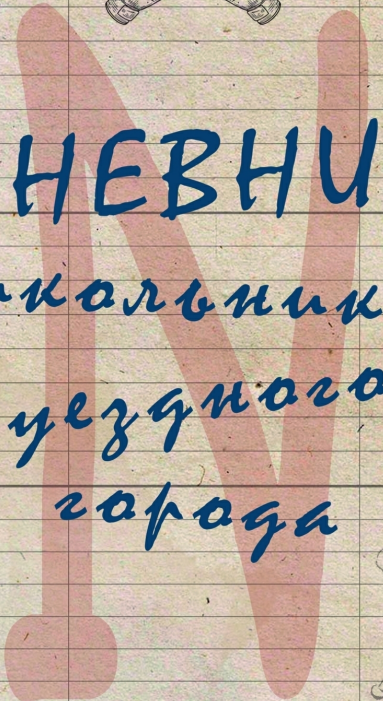
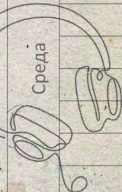
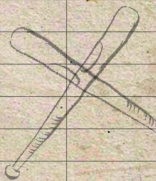

« »

2019/20

	Предмет	Что задано	Оценка	Подпись
Понедельник				18+
Вторник				
Среда				

ДНЕВНИК

школьника

чужака

города

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Кирилл Чаадаев

18+

Кирилл Чаадаев

Дневник школьника уездного города N

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62723348

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03561-4

Аннотация

Кирилл Чаадаев – шестнадцатилетний подросток с окраины маленького промышленного города. Он дружит с компанией хулиганов, мечтает стать писателем и надеется вырваться из своего захолустья. Чтобы справиться с одиночеством и преодолеть последствия психологической травмы, он ведет дневник в интернете. Казалось бы, что интересного он может рассказать? Обычные подростковые проблемы: как не вылететь из школы, избежать травли одноклассников и не потерять голову от первой любви. Но внезапно проблемы Кирилла становятся слишком сложными даже для взрослых, а остальной мир их не замечает, потому что сам корчится в безумии коронавирусной пандемии... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Часть 1	7
22 сентября 2019. Воскресенье	7
24 сентября 2019. Вторник	11
29 сентября 2019. Воскресенье	13
3 октября 2019. Четверг	16
6 октября 2019. Воскресенье	18
11 октября 2019. Пятница	22
13 октября 2019. Воскресенье	25
16 октября 2019. Среда	30
20 октября 2019. Воскресенье	33
22 октября 2019. Вторник	42
24 октября 2019. Четверг	49
26 октября 2019. Суббота	55
3 ноября 2019. Воскресенье	61
6 ноября 2019. Среда	68
7 ноября 2019. Четверг	73
8 ноября 2019. Пятница	76
12 ноября. Вторник	79
14 ноября 2019. Четверг	87
17 ноября 2019. Воскресенье	90
20 ноября 2019. Среда	95
22 ноября 2019. Пятница	101

23 ноября 2019. Суббота	109
26 ноября 2019. Вторник	117
29 ноября 2019. Пятница	122
1 декабря 2019. Воскресенье	130
5 декабря 2019. Четверг	132
8 декабря 2019. Воскресенье	137
9 декабря 2019. Понедельник	143
14 декабря 2019. Суббота	147
17 декабря 2019. Вторник	154
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Предисловие

Не знаю, какой у вас сейчас год и что творится в мире – может, на месте человечества осталось ядерное пепелище или, наоборот, о дивный новый мир с бесплатным мороженым и всеобщим счастьем – но с сентября две тысячи девятнадцатого года по август две тысячи двадцатого я вел дневник, в котором описывал все, что со мной происходило.

Для большинства людей это был чертовски сложный год – мир сотряслся в какой-то средневековой агонии: войны, наводнения, пожары, экологические катастрофы и, конечно, мировая пандемия неизвестного ранее вируса. Для меня это был последний год в школе. Говорят, лучшее время в жизни. Правда, и меня тоже изрядно лихорадило...

Тогда, двадцать второго сентября, открывая ноутбук, чтобы сделать первую запись для дневника, я едва ли мог представить, куда приведет эта кривая дорожка. Или мог? Иначе как объяснить, что все чеховские ружья так складно выстрелили в нужный момент? Невольно приходится поверить в судьбу, пророческий дар поэта или какую-нибудь дурацкую теорию заговора.

Иногда я задаюсь вопросом: сейчас, когда я знаю, чем все закончилось, если бы мне предложили вернуться в самое начало, стал бы я что-нибудь менять? Временами мне кажется, что нет. Временами мне хочется перечеркнуть все – взять

черную ручку и переписать каждое предложение.

К счастью, это невозможно. Все записи дневника я выкладывал в Телеграм на всеобщее обозрение в канале «Дневник школьника уездного города N». Не верите? Можете проверить сами. Я вроде как писал блог и случайно написал книгу. Если Телеграм все еще жив, а я не психанул и не удалил канал, то дневник висит там до сих пор.

Не буду дольше занимать ваше время. Заспойлерю лишь конец: я выживу несмотря ни на что. Приятного чтения.

Искренне Ваш,

Кирилл Чаадаев.

Часть 1

22 сентября 2019. Воскресенье

Меня зовут Кирилл Чаадаев, я учусь в одиннадцатом классе, и за последние три недели моя жизнь резко изменилась.

Началось все с того, что мать перевела меня в новую школу. Хотя, наверное, не с этого, а раньше – когда меня угораздило родиться в этом захолустье, в этом богом забытом городе, как говорят в фильмах...

Когда мать заявила, что мне надо перейти в другую школу – в лицей – я не особо сопротивлялся. Отсюда все поступают в другие города, в основном Москву и Питер, но даже Краснодар или Ростов – все лучше, чем здесь. Я только подумал, что скажу друзьям, и, ничего не придумав, соврал про отца: типа он заставил.

Друзья, конечно, меня не поняли. Авдей сказал: «Пошли его в жопу». Тарас заржал, как конь, показывая свои конские белые зубы. Сева, как обычно, застенчиво улыбался, глядя себе под ноги. И только Игорь обнадежил: «Ничего. Школы рядом. Все равно будем каждый день видеться».

Он ошибся. С восемью тридцати и до трех я сижу на занятиях в новой школе. Каждый день по восемь уроков. Восемь!

Бывает четыре математики подряд. Или хуже – четыре физики. К концу занятий я уже не соображаю. Мать еще грозит отправить меня к репетиторам. По-моему, это уже перебор. В будние дни с друзьями я видаться почти перестал. Только один раз пересеклись на этой неделе в среду, и то – потому что я прогулял последние два урока физры.

Собственно, зачем я затеял всю эту писанину? Причины две... или три – это как посмотреть. Во-первых, из-за новой школы. Здесь очень скучно. Я сижу за последней партой, плююсь на всех моих нынешних одноклассников и размышляю: как меня угораздило оказаться среди них. Здесь одни ботаны. Даже поговорить не с кем. Вот я и подумал: может, если записывать все, что происходит вокруг, будет не так скучно?

Во-вторых, это мой последний год в школе. Что будет дальше – одному богу известно, если, конечно, он существует. (В чем у меня большие сомнения.) Я хочу запомнить этот год, каким бы он ни был. И нет лучше способа, чем записать его.

В-третьих... Третью причину я никогда бы не рассказал ни друзьям – они засмеют, ни матери – хотя, мне кажется, она догадывается, но не подает виду. Расскажи я ей, она бы ответила: «Это здорово, сынок». Но я знаю: ее глаза бы сказали другое. «Не занимайся ерундой», – ответили бы они. Думаю, это все отчим. Он слишком серьезный и слишком практичный до тех пор, пока не выпьет. А когда примет на грудь, начинает учить жизни. В этот момент лучше не попа-

даться ему на глаза, иначе он, как кальмар, вцепится своими длинными ручищами-щупальцами и будет, не останавливаясь, заливать часа два: «Ты еще молодой. Ты должен учиться. У тебя вся жизнь впереди. Перед тобой открыты все двери. Но не думай, что так будет всегда. Уже сейчас думай о будущем. Ты должен правильно питаться. Не кури. Не пей. Занимайся спортом. Потом обязательно нужно найти хорошую девочку...» И так далее.

Но я отвлекся. Третью причину я никому не рассказывал, а делать с ней что-то надо – она выжигает меня изнутри, лезет наружу как монстр из фильма «Чужой», пытается вырваться, как рвота во время морской болезни... Я бы и здесь о ней не написал, если бы не был уверен, что мои слова, мои мысли, мои тексты не затеряются на безграничных просторах сетевой паутины. Интернет способен сожрать все – переварить сожранное и никогда не выплюнуть обратно. Вряд ли кто-то из моих знакомых когда-нибудь прочтет эти записи, если я им не покажу, а то, что я их никому не покажу – это как пить дать – сто процентов.

Итак, третья причина – я мечтаю стать писателем. Вот.

Я безумно любил читать. Мать в далеком детстве подарила мне плеер, чтобы я слушал музыку, но вместо музыки на маленьком дисплее крохотным шрифтом я зачитывался скаченными в формате fb2 книгами. Помню, если я ничего не читал больше недели, начиналась ломка, как от наркоты. А потом как-то сама собой пришла идея: почему бы не попро-

бовать написать самому...

Я не питаю иллюзий стать настоящим писателем. Но почему бы не писать для себя? Вроде как дневник последнего года в школе. Только формат дневника безнадежно устарел. Серьезно – кто сегодня ведет дневники? А вот блогинг (или правильно блоггинг – с удвоенной «г»?) популярен как никогда.

Пока я планирую раз или два в неделю писать о том, что происходит с моей жизнью. Вряд ли это будет интересно еще кому-нибудь, кроме меня, поэтому вся идея эксперимента в том, чтобы, когда я закончу школу, когда потоки времени, прокрутив меня в своих водоворотах, вынесут на неизвестные ныне берега, вернуться к самой первой записи, чтобы второй раз войти в одну и ту же реку, но не как пишущий, а как читающий.

24 сентября 2019. Вторник

В школе невыносимо скучно. Сейчас сижу на уроке химии – естественно, за последней партой – пишу эту запись для блага/дневника в заметки на телефоне. Не понимаю ни слова из того, что говорит учительница: какие-то алкены, алкодиены, фенол, бензол и т. д. – чушь собачья. Спирт – единственное адекватное слово в этом учебнике.

В начале урока еще проверили домашку. Я ее сроду не делал. Конечно, мне вклеили двойку. Пофиг. Плевать. Я, что называется, клал на всю эту химию и на всю эту дурацкую школу. Зря только согласился сюда перейти.

Мои одноклассники – все поголовно кретины. И это еще мягкое слово я для них подобрал. В столовую идут почти строем. Обратно – сытые, как коты, разбредаются группками, ползут лениво на уроки. Я, облокотившись на перила, наблюдал за ними с лестницы второго этажа. Они щебетали, как воробьи, чего-то копошились на одном месте, как навозные жуки. Они все время обсуждают какую-то херню.

Один – шумный и крикливый, Миша Зорин, рассказывал старую загадку про Ахиллеса и черепаху. Я так понял, он здесь вроде местного гения – олимпиадник по физике. Есть еще второй такой вундеркинд – Родин (имени я не запомнил). К тому все обращаются с задачками по математике, а сам он все время сидит за партой, решает примеры и на пе-

ременах почти не выходит из класса.

Зорин закончил свой рассказ словами: «Когда Ахиллес догонит черепаху?». И довольный заглядывал в лица окружающих. Те, в свою очередь, посерели от натуги – пытались придумать ответ. Тупицы. Ахиллес никогда не догонит черепаху – в этом и есть парадокс.

Со мной рядом посадили Виталика Судакова – длинный блондин с кривоватым носом. Я про себя называю его «бегун» – он занимается легкой атлетикой. Мы за весь день не сказали друг другу ни слова. Ну просто о чем с ним говорить?

Поскорей бы кончились уроки, а то я уже задолбался тут сидеть.

29 сентября 2019. Воскресенье

Прошел ровно месяц, как я учусь в новой школе. Порой хочется повеситься прямо на канате в физкультурном классе. Хотя на физру я хожу редко. Как по мне, там нечего делать. После звонка всех заставляют бегать вокруг школы, потом делать дурацкие упражнения – особенно бесит бег на прямых ногах – выглядим как придурки-буратино. Под конец урока учитель обычно позволяет играть в футбол.

Вообще-то я не против погонять мяч, хотя футболист из меня такой себе. Раньше мы с ребятами часто играли на поле возле школы или в коробке во дворе. Тарас – тот входил в сборную школы; Авдей тоже не плох; Игорь хотя никогда не занимался футболом, но он по жизни спортсмен: сейчас ходит на секцию по боксу, до этого бегал на марафонах, а еще раньше вроде участвовал в соревнованиях по плаванию. Только Сева совсем не игрок. Он обычно сруливал, когда мы шли на поле. Отговаривался, типа уроки надо делать. Но мы-то понимали, что никакие уроки он делать не будет.

В школе на физре я не играю в футбол. Мои одноклассники – они хоть и ботаны, но некоторые из них вполне дружны со спортом. Это меня настораживает. Одно дело – со своими – с ними не стыдно и по мячу промазать и мяч между ног пропустить (какое дурацкое выражение). Другое дело – при чужих. С ними надо быть осторожным. Знаю я, как обычно

принимают новичков – насмотрелся в прошлой школе. Если хоть раз над тобой посмеются – считай всё: придется либо драться, либо уходить из школы. Потому что, если не сделать ни того ни другого, тебя сначала поднимут на смех, потом заклюют, затопчут и в конце загнобят до смерти.

Помню, к нам в класс пришла новенькая девочка. Она была неказистой, с непропорционально длинной шеей и большими губами, но она мастерски умела пользоваться фотошопом – на фотографиях в ВК и Инстаграме выглядела будто с обложки журнала. Как ее нещадно травили... Над ней так сильно издевались, что даже вспоминать трудно.

Начинается всё, как обычно, с перешептывания за спиной – на этом этапе с тобой осторожничают, боятся – вдруг ты можешь дать сдачи. Потом начинаются подколы: над тобой тихо посмеиваются. На следующем этапе шутки становятся злее, а смех окружающих – громче. А дальше тебя уже никто не считает за человека.

Та девочка продержалась всего полгода. Потом родители перевели ее в другую школу. Не знаю, стало ли ей лучше... Порой я удивляюсь, откуда берется такая жестокость?

Особенно в буллинге преуспели Авдей с Тарасом. Они часто выбирали жертву – какого-нибудь тихоню из класса – и отыгрывались на нем по полной. Самая безобидная шутка из их репертуара – спрятать чей-нибудь портфель – банально и не смешно, но им нравится смотреть, как человек ходит, ищет, спрашивает у всех, не видел ли кто-нибудь его порт-

феля.

На последней стадии тебя избивают. Подкарауливают после школы, говорят, что-то типа: «Стой смирно». Ты вытягиваешься ровно, замираешь, весь съёжившись, замуриваешься в ожидании удара. Они хохочут и бьют по очереди. Они бьют по ногам, в районе бедра; бьют в живот; отбивают плечи, лупят кулаками по почкам – везде, где с первого взгляда не видно. Только остаются синяки размером с большую черную кляксу. Наигравшись, как коты с клубком ниток, они тебя отпускают и расходятся сами.

Я не раз наблюдал такую картину. Сам не участвовал, но и не пытался помешать. Хотя вру. И за мной есть один такой грешок, но о нем говорить не хочется...

Только однажды я видел, как новичок сразу влился в коллектив. Это был Тарас. Он перешел в нашу школу в классе восьмом, и он уже знал Игоря – они хорошо дружили. Войдя в класс, он заявил с порога:

– Покажите мне кто у вас тут лох, а кто нет.

И все в классе замерли в молчаливом ожидании, пока Авдей укажет на лохов. Затаился и я. Помню, в голове промелькнула мысль: что если палец Авдея ткнет в меня? Что тогда делать? Как поступить? Броситься в драку? Я дрался несколько раз и не очень успешно. Отшутиться? Я не умею.

Авдей не указал на меня. Мы тогда уже более-менее дружили, хотя и не так хорошо, как сейчас.

А я до сих пор не знаю ответов на те вопросы.

3 октября 2019. Четверг

Думаю, я все же буду писать сюда не меньше двух раз в неделю. Одного мне не хватает. Для меня это как некоторая отдушина, возможность выговориться. Просто я навскидку не припомню, когда в последний раз так много молчал. На переменах я молча брожу по коридорам школы или по двору за школьным зданием. На уроках я стараюсь не поднимать руку и не отвечать на вопросы учительницы, даже если знаю ответ, за что уже не раз получал двойки. После школы я молча тащусь до автобусной остановки и, дождавшись своего маршрута, пялюсь в окно на прилипшие к асфальту мокрые желтые листья, пока автобус везет меня прочь от школы.

Нет, конечно, иногда приходится говорить в автобусе: «Передайте за проезд»; или во время переключки в классе поднимать руку и, стараясь придать голосу большую уверенность, чем есть на самом деле, выкрикнуть: «Здесь». В этот момент, мне кажется, что половина класса оборачивается в мою сторону – я неизменно сижу за последней партой. Мне хочется выпучить на них глаза и заорать: «Чего вылупились – цирк, что ли?!»

Если хорошо подумать, то можно и в эти моменты ничего не говорить: в автобусе молча протянуть горсть монет; во время переключки просто задрать руку кверху – учительница все равно поднимет голову, чтобы убедиться на месте

ли я; дома с отчимом я и так не разговариваю, а мать в последнее время возвращается слишком поздно – я уже лежу в кровати. Вернувшись с работы, она умывается, ставит разогреваться ужин в микроволновке и, потихоньку приоткрыв дверь, смотрит на меня. Я делаю вид, что сплю. Иногда она тихо шепчет: «Кирилл, спишь?» Я не отвечаю – продолжаю притворяться спящим. Тогда она уходит. Не знаю, зачем я так делаю.

Раньше, когда я учился в предыдущей школе, сразу после звонка на перемену Авдей говорил: «Пошли гулять», – и мы шатались по школе в поисках приключений. Чаще всего мы их находили. После окончания уроков мы еще час торчали на улице у входа: болтали о всякой ерунде, а потом вместе с Севой и Авдеем шли домой. На перекрестке Сева поворачивал налево, мы с Авдеем направо. Мне нужно было садиться на автобус и около получаса ехать на окраину города – там в одинокой трехэтажке, непонятно как оказавшейся среди частных домов, мы жили с мамой и отчимом. Иногда я не садился на автобус сразу, а шел с Авдеем лишний квартал до следующей остановки. А когда отчима не было дома, и никто не мог проверить, во сколько я вернусь, мы заваливались с Авдеем к нему и зависали там до вечера.

Пожалуй, в последний раз я так много молчал, когда ушел отец. Это было давно, и я почти не помню того времени.

6 октября 2019. Воскресенье

Всю неделю с таким нетерпением ждал выходных – считал минуты, неотрывно следил за стрелкой висящих над классной доской часов и думал, что с каждый ее поворотом, с каждым маленьким шажком в этом бесконечном беге по кругу, я приближаюсь к спасительным выходным. Прямо с утра в субботу я позвоню Авдею, напишу Севе и Игорю, и мы договоримся встретиться где-нибудь после трех часов – так я думал. Мои планы обломила гребаная простуда.

Терпеть не могу, когда болит горло. Такое ощущение, будто радиус обзора резко сужается, словно на меня надевают дурацкий боксерский шлем. Глотку сдавливают чьи-то пальцы. Вкусы резко блекнут. Я чувствую себя неуверенно – хочется забиться в угол и безучастно смотреть оттуда на все происходящее в этом мире глазами стороннего наблюдателя. Но нет... Я был вынужден тащиться в школу.

После очередной двойки по математике (уже четвертой подряд) меня пересадили ближе. Теперь я как ботан сижу за первой партой. Раньше, когда мне становилось скучно, я открывал на телефоне книжку и втихаря читал ее. Последнюю – «Пикник на обочине» Стругацких я проглотил за день – не мог оторваться. Поэтому пропустил, когда меня вызывали к доске на физике. Выходить отвечать, а точнее, мычать бараном на посмешище всему классу я, конечно, отказался,

за что получил еще одну пару.

Пересадили меня в четверг, и весь день я сидел один. Думал, хоть в этом плюс – никто не сопит под боком, как Бегун, потому что он, когда пытается что-то понять из объяснений учительницы, так громко дышит, что кажется, будто он в противогазе.

Главный минус первой парты даже не в том, что ты сидишь на виду у препода. Самое неприятное – весь класс находится сзади. Мне кажется, они постоянно буравят взглядами мой затылок, они заглядывают мне через плечо, чтобы прочесть мои записи, они тихо смеются мне в спину. Иногда я даже украдкой оборачиваюсь, но они либо успевают отвернуться, либо у меня паранойя. Скорее всего второе. Хотя, как говорил Курт Кобейн: «Если у тебя паранойя, это еще не значит, что за тобой никто не следит»...

Вчера мое счастливое одиночество на первой парте закончилось. Ко мне кое-кого подсадили. Точнее, она сидела там всегда. Просто в сентябре она не ходила в школу. И не из-за болезни, а потому что была за границей. Целый месяц – в Швейцарии. Видите ли, школьное расписание не соответствовало ее собственным планам. Она так и сказала на перемене. Повернулась назад, ко второй парте, где сидели ее подруги, и заявила: «Было бы неплохо, если бы учебный год начинался в октябре, а то неудобно. Сентябрь – бархатный сезон». Я едва сдержался, чтобы не заржать.

Вообще она выбесила меня своим первым появлением.

Шел урок литературы. Учительница – молодая стройная девушка, только вчера кончившая институт – пыталась рассказывать что-то про Бунина. Честно говоря, ее слушать очень тяжело. Глаза скользят по ее подтянутому телу, по ее изгибам, как у пантеры, по ее небольшим, но отчетливо выделяющимся выпуклостям... Информация, которую выдает ее рот с тонкими слегка подкрашенными губами, совершенно не воспринимается. Из-за того, что ее никто не слушает, она всегда смотрит прямо перед собой, то есть на меня.

Я мучительно пытался сделать вид, что вникаю в суть ее речи, но у меня нестерпимо болело горло, хотелось спать – все же первый урок, в голове обезьянка лупила в барабаны, выбивая из нее последние адекватные мысли. Я думал только о том, что на неделе сэкономил достаточно денег. Должно хватить погулять с друзьями: можно будет купить пару банок «Страйка» или «Ягуара», на худой конец бутылку «Бл-эйзера», хотя он и отвратителен. Естественно, я не думал и не хотел думать о Бунине и его «Темных аллеях». Я вообще не большой любитель русской классической литературы – она слишком депрессивная, а русские писатели все чего-то тянут-тянут и никак не могут подойти к развязке...

Минут через пятнадцать после начала урока резко распахнулась дверь. В класс сначала вплыла сумка Furla, за ней миниатюрная брюнетка.

– Корнилова, – сказала учительница. – Только вас и ждем.
Девушка громко хлопнула дверью. Казалось, обои сейчас

отойдут от стен – такой сильный хлопок разнесся по классу. Я чуть не взвыл от раздражения. Ненавижу, когда хлопают дверьми. Меня прям всего начинает колотить. Почему нельзя закрывать их нормально?

Корнилова поправила волосы за ухом, самоуверенно прошла к первой парте, за которой сидел я, мимоходом смирила меня равнодушным взглядом, и, достав из сумочки новый айфон, села рядом.

За весь день мы не сказали друг другу ни слова. Зато я весь день слушал, как она рассказывала своим подругам про лето: как она ездила по Европе, отдыхала в языковом лагере в Швейцарии, как она решила завести Инстаграм, потом показывала им фотки.

Пока что это был самый тяжелый день в новой школе. Мне хотелось залепить уши воском, как делал это Одиссей, когда плыл мимо сирен. Видимо, они тоже несли всякую херню.

Все выходные я провалялся в постели. Смотрел сериалы. Теперь какое-то гаденькое чувство на душе. Будто я потратил кучу времени впустую. Хз... Может перестать смотреть сериалы? Но тогда куда девать свободное время?

11 октября 2019. Пятница

Я пишу этот текст в пятницу вечером. Закончилась еще одна длинная пустая однообразная, как южная степь, неделя. Про однообразие южных степей я знаю хорошо – я здесь живу. Стоит выехать за город, и она открывается во всей своей красе. Начавшись от трассы, она, огненно-желтая осенью, ярко-зеленая летом и хмурая весной, тянется вдаль за горизонт.

Когда мне было двенадцать-четырнадцать, мать часто отправляла меня от школы в детские лагеря в Пятигорск, Кисловодск и Ессентуки. Автобус выезжал на трассу «Е50 Ростов—Баку», я занимал место у окна, минут двадцать смотрел на бегущие снаружи поля: монотонность картины за стеклом быстро укачивала, веки наливались свинцом, сознание меркло, а сон наваливался раньше, чем закрывались глаза. Я просыпался, когда автобус уже катил между гор.

Кстати, одну гору – Стрижамент – видно почти от моего дома. Стоит выйти из подъезда, обойти трехэтажку сбоку, миновать еще метров триста, и ты упрешься в канал. Он течет от Кубани, делает гигантский крюк по дачным участкам, большинство из которых давно заброшено, и через пятьдесят километров непрерывного бега он снова впадает в Кубань. С его берега гора видна хорошо, отчетливо, как на ладони. Она лежит, распластавшись вдали, словно бугристый

нароств на ровном теле степи.

Я давно мечтаю дойти до нее. «Гугл Карты» показывают: дорога в одну сторону займет часов пять. Еще с друзьями детства, с Костей Зубовым и Лешей Волковым, мы собирались к ней в поход. Мы планировали и другие походы, но так ни в один и не сходили. А теперь мы уже пару лет не общаемся... Хотя Костю я иногда встречаю на улице. Он говорит:

– Чего не заходишь?

Я отвечаю:

– Времени нет.

И мы с чувством неловкости расходимся в разные стороны: оба знаем, что время у меня есть, и оба понимаем, что он меня особо не ждет.

Летом в детстве мы втроем целыми днями напролет купались в этом канале. Выше по течению стоит электростанция – четыре полосатые трубы видны из каждой точки города. Отчим рассказывал, что она берет воду из канала для остужения котлов, поэтому рядом с заводом вода теплая даже зимой. Там мы начинали купаться уже в первых числах марта. Костя, бывало, заходил за мной еще утром, часов в одиннадцать. Стоя под балконом, он кричал:

– Кирилл, выходи!

Я выглядывал в окно, а он жестами показывал, типа пошли плавать. Мать одно время не пускала – боялась, что я утону. А я один раз действительно чуть не утонул...

Это одно из двух воспоминаний об отце. Мне пять лет. Я

верхом на новеньком велосипеде. Я только-только научился держать равновесие и ездить без дополнительных колесиков. Я поднимаюсь на горку перед каналом. Рядом со мной, держась за руки, идут мама с папой. Внезапно велосипед начинает катиться с горки. Я растерялся, пытаюсь затормозить ногами об землю – от страха из головы вылетело, что надо повернуть педали назад, и велосипед остановится. Вода стремительно приближается... Потом помню только, как мокрый с головы до ног сижу на берегу. Отец ныряет в воду второй раз и достает со дна велосипед – течение оттащило его на несколько метров. Потом мы сушим одежду и документы: паспорт, водительские права и что-то еще – они оказались у отца в карманах...

В школе ничего интересного не происходит: за неделю поставили несколько троек по контрольным работам и двойку за отказ выходить к доске на алгебре. Еще осень полноценно завладела погодой: на улице слякоть, сырость и депресняк. В общем, все довольно уныло, так что на этой ноте, пожалуй, стоит закончить.

Жду выходных.

13 октября 2019. Воскресенье

Вчера бухали с друзьями на лавочке во дворах недалеко от старой школы. Мы были все пятеро: я, Авдей, Тарас, Игорь и Сева – такое редко случается в последнее время. Игорь и Сева ничего не пили. Игорь заявил:

– У меня соревнования на следующей неделе.

Севу почему-то никто не стал упрасивать, и он, воспользовавшись случаем, остался трезвым. Обычно напоить Севу на каком-нибудь празднике – это святая обязанность каждого. Мы будто сорвавшиеся с цепи собаки, дорвавшиеся до желанного куска мяса (Сева, кстати, еще и полненький, так что оборот вполне в тему), наперегонки пытаемся спить его. Не знаю почему. Это какая-то специфическая забава, особая радость – напоить безобидного дружелюбного товарища. В общем, вчера он не пил.

Мы с Авдеем сидели на одной лавочке. Игорь с Севой – на другой. Тарас с банкой «Ягуара» в руках стоял между нами. Я не запомнил, о чем он говорил. Он к этому моменту уже изрядно выпил, его язык слегка заплетался, а речь виляла от одной бессвязной мысли к другой.

Внезапно Игорь выпучил глаза и взглядом указал на банку у меня под ногами. Игорь выглядел как кот, подавившийся рыбной костью. От этой внезапно пришедшей мысли я заржал в голос. Тарас оборвал свою речь на полуслове. Его рас-

сеянный взгляд сначала скользнул по мне – видимо, он пытался понять, что меня рассмешило, – потом поднялся выше и застыл над моей головой. Тарас изменился в лице.

Несколько секунд ничего не происходило, потом за моей спиной раздался грубый мужской голос:

– Добрый день, молодые люди. Выпиваем?

Я мгновенно все понял. Рядом с Авдеем – он сидел с краю – словно из ниоткуда материализовались двое ментов. Один держал в руках лист бумаги на планшете. Второй угрюмо осматривал всю нашу честную компанию. Тарас среагировал мгновенно:

– Я не пил, – сказал он, все еще держа в руке банку «Ягуара».

– А это что? – сказал мент с планшетом в руках, указывая на банку.

– Это сок, – ответил Тарас.

Его заметно шатало. Он размахивал руками, как бы показывая, что он чист перед законом, а из банки выплескивалась алая жидкость.

– Сколько тебе лет? – спросил второй мент.

– Девятнадцать. Я вот день рождения брата праздную, – сказал Тарас.

Он ткнул пальцем в Севу. Из банки выплеснулось еще немного. Мент с планшетом обратился к Авдею:

– Давай, говори имя.

Он приготовился записывать. Авдей что-то соврал. Мент

занес в свою тетрадь чужое имя. Тарас внезапно свободной рукой выхватил телефон из кармана и заорал в трубку:

– Алло! Да, алло! Сейчас, подожди!

Он отошел от лавки, держа мобильный у уха. Мент проследил за его перемещением. Тарас сделал еще пару шагов, продолжая орать в трубку. Мент забеспокоился.

– Эй, стой! – крикнул он.

Тарас рванулся вперед и скрылся за углом дома. Мент побежал следом. Второй, который записывал фамилии, уже стоял передо мной. Из головы у меня выдуло все мысли – я не мог ничего придумать. Перед глазами крутилась картинка, как меня забирают в участок, там вызывают мать, и она, отпросившись с работы, едет за мной. Как я буду смотреть ей в глаза? Она сразу вспомнит все мои старые грехи – очень неприятные, постыдные, о которых мы никогда не говорим – они табу – мы делаем вид, что их никогда не было... Я ведь ей обещал, что ничего подобного больше не повторится... И самое мерзкое, отчего мне хочется блевануть, – она поверила... Она мне поверила, а я, получается, ее обманул?

Мент оторвал голову от белого листка бумаги с выдуманной Авдеем фамилией, посмотрел на угол дома, где скрылись Тарас со вторым ментом.

– Куда это они убежали? – растерянно пробормотал он и медленно поплелся следом.

Я мельком заметил гигантские зрачки Авдея. У нас одновременно блеснула одна и та же мысль. Как только мент до-

стиг угла дома, мы, не сговариваясь, рванулись прочь от лавки. Игорь и Сева остались на месте. Им ничего не грозило.

На одном дыхании мы бежали несколько кварталов, пока легкие у обоих жалобно не сжались от нехватки кислорода. Авдей жадно, как рыба, хватал ртом воздух. Я сложился пополам, пытаюсь отдышаться. Когда я распрямился, Авдей уже как ни в чем не бывало курил сигарету. Он протянул пачку мне. Я помотал головой. Он пожал плечами и закурил еще одну.

Он стал жаловаться на то, что мы зря не прихватили с собой банки с ягичем – ему требовалась новая доза алкоголя. Он даже предложил вернуться. Я отказался. Перспектива попасть в лапы к ментам из-за того, что Авдею срочно нужно выпить, мне как-то не улыбалась.

Мы около часа бродили по окрестностям. Встретили знакомых Авдея. Он занял у них денег, и мы купили бутылку «Блэйзера» – ни на что другое не хватило. Уже стемнело. Мне нужно было бежать на автобус, потому что, если бы я не успел на последний рейс, пришлось бы идти пешком несколько километров в полной темноте мимо пустырей, гаражей, заброшек и леса. Такое себе удовольствие.

Попрощавшись с Авдеем, я поехал домой. У подъезда я понял, что меня шатает – мог спалиться. Я подошел к росшей во дворе вишне. С наполовину ободранной ветки сорвал пару листьев – пожевал их, чтобы перебить запах алкоголя. Рот наполнился горькой слюной. Затем я поднялся в нашу

квартиру на третьем этаже, коротко поздоровался с матерью и отчимом, вежливо пожелал им спокойной ночи – главное, не спалиться – и, сославшись на усталость, завалился спать в своей комнате.

Вот так я скоротал субботу. Не сказать, что как-то по-особенному, но и не совсем обыденно.

Сегодня созвонился с Авдеем. Он плохо помнит, как дошел домой. Удивительно, что после двух банок ягича и полторашки «Блэйзера» он вообще хоть что-то помнит. Он рассказал, что произошло с Тарасом – ему написал об этом Сева.

За углом мент догнал Тараса, но тот умудрился вывернуться, ударив мента ногой в живот, потом выбежал на дорогу, где его сбила машина – не сильно, только положила на капот. Менты поймали его, отвезли в участок, стали запугивать тем, что теперь ему грозит уголовка. Думаю, от страха он там нормально наложил в штаны. Потом в участок приехал его отец. Он, кажется, сам бывший мент, в прошлом помощник мэра и вообще влиятельная в городе шишка. Он разрулил всю ситуацию.

Тарас получил хорошую трепку от отца. Но, по правде сказать, ему очень повезло... Повезло, что у него есть богатый отец. Если бы на его месте оказались я или Авдей, мы бы так легко не отделались.

16 октября 2019. Среда

Моя соседка по парте, Аня Корнилова, невыносима. Меня в ней раздражает все: как она разговаривает – обращаясь к кому-то, она слегка завышает тон, голос становится до того вежливым, что кажется, будто она скрыто насмехается; как она сидит за партой: ровно удерживая осанку, словно наездница на соревнованиях – может, у нее и вправду есть свой ипподром; как она ходит по коридорам, приподняв подбородок, словно смотрит на всех свысока.

Еще, как назло, я все время на нее натыкаюсь. Иду в столовую за хот-догом, она выходит навстречу. Иду в магазин купить воды, она уже там выбирает мороженое на прилавке. Жду после школы автобус на остановке, она, не отрывая взгляда от телефона, переходит на светофоре на другую сторону дороги. Такое ощущение, будто она повсюду.

Особенно она выводит из себя, когда препод что-нибудь у меня спрашивает – я не знаю ответа, а она знает и молчит. Потом препод переводит взгляд на нее. Его глаза сразу смягчаются, а рот тоненько произносит: «Корнилова, как вы считаете?» – как будто кого-нибудь вообще интересует мнение Корниловой. А та как ни в чем не бывало выдает безупречно правильный ответ.

Сегодня на уроке географии нужно было чертить всякую херню в контурных картах. Учительница заставила нас чер-

ными карандашами перерисовывать богатые нефтью регионы России из атласа в контурные карты. Вчера я не посмотрел расписание и не знал, какие предметы будут сегодня. Совершенно случайно в портфеле оказались карты – я забыл их выложить с прошлой недели. И еще у меня не было карандаша. Я в принципе не ношу с собой карандаши. Серьезно – зачем? Я всегда пишу ручкой. Карандашные записи можно стереть – это как будто не по-настоящему. Другое дело ручка, когда нет права на ошибку.

Я несколько минут рылся в портфеле, надеясь, что училка отстанет от меня, но она и не думала: нависла над душой, как горгулья на фасаде собора Парижской Богоматери, и ждет. Весь класс настороженно молчит. В этот момент хотелось залезть под парту и оттуда залаять, как пес, чтобы все отстали. Наконец, я вытащил голову из портфеля и объявил учительнице, что атласа у меня нету – забыл. Она, как обычно в таких случаях, ответила: «А голову ты дома не забыл?» Она произносит эту фразу на каждом уроке. Сначала меня это забавляло – я думал, так уже никто не говорит. Потом мне надоело. Весь класс давно привык и не обращает на нее внимания.

Пришлось просить Корнилову поделиться атласом. Она сначала как будто задумалась – мне даже показалось, что не даст, но все же подвинула книгу на середину парты. Потом я попросил карандаш. Она отодвинулась, исподлобья посмотрела на меня своими большими удивленными глазами и ска-

зала вежливым слегка приподнятым голоском:

– У тебя и карандаша нет?

Меня прям передернуло от того, как она это сказала. Я от злости даже зубы сжал, но ничего не ответил. Она достала из сумочки карандаш с выдвижным стержнем. Пару раз нажала на кнопку – стержень вылез на несколько миллиметров.

– Только не сломай. Там мало осталось, – сказала она.

Я попробовал понаставить черных треугольников в Сибирь, но этим карандашом оказалось чертовски неудобно работать. Тогда я плюнул, взял ручку и со злости замазал всю карту черным цветом. На вопрос учительницы, зачем я испортил карту, я ответил, что страна наша велика и обильна, а все благодаря нефти. Несколько человек в классе засмеялись. Учительница моей смекалки не оценила и вlepила двойку. Корнилова посмотрела на меня как на идиота. Я ей молча вернул неиспользованный карандаш.

Как же она меня бесит...

20 октября 2019. Воскресенье

Вчера прошвырнулись с друзьями по городу. Ничего необычного не произошло. Мы, как всегда, встретились недалеко от старой школы, прошли дворами к ДК им. Горького, потом на набережную Кубани и оттуда по улице Гагарина через мост над железной дорогой к торговому центру. Там мы пару часов просидели в беседке. Игорь отжимался на брусках. Тарас достал карты, и мы стали играть в дурака. Первые два кона проиграл Сева. Третий – я. Четвертый кон не состоялся – Тарас, видя, что проигрывает, якобы нечаянно смешал все карты. Они с Авдеем вяло поспорили – игра уже всем надоела. Тогда мы снялись с места и поплелись блуждать дальше.

Сегодня мне было лень ехать в центр. Полдня я квасился в своей кровати с ноутбуком на коленях, ролик за роликом просматривая тренды Ютуба. Около четырех я услышал, как вернулся подвыпивший отчим. Он ввалился на кухню, где в это время мать готовила ужин, и нараспев произнес: «Светлана, я дома!»

Я сразу понял, чем это мне грозит – очередной заунывной лекцией на тему «Как правильно жить». Пора было срочно валить из квартиры, пока отчим не выбрал меня в качестве жертвы для своих проповедей. Я накинул на плечи легкую куртку – осеннее солнце растопило воздух до семнадца-

ти градусов – из прихожей предупредил, что ухожу на поиски приключений и, не дожидаясь ответа, выскользнул за дверь.

На лестничной площадке я застегнул молнию до шеи – не хотелось снова болеть. На полу возле двери в квартиру напротив вместо коврика для ног лежал кусок картона. На днях туда поселилась семья с ребенком лет восьми. Видимо, еще не успели обжиться. До них там жила семейная пара. Муж работал дальнобойщиком. Он часто и подолгу разъезжал по стране на огромном грузовике, а когда возвращался на пару дней, то оставлял машину во дворе. Один раз он даже позволил мне посидеть в кабине. Его жена не работала – она все время сидела дома. Я не знаю, откуда они приехали в наш город, но, видимо, здесь у нее не было знакомых. От скуки и одиночества она часто звонила нам в дверь по какому-нибудь надуманному поводу, типа у нее течет кран, или кончилась соль, или не работает телевизор. Обычно с ней говорила мать. Она старалась как можно быстрее отделаться от соседки, чтобы вернуться к своим делам, а та – наоборот, затягивала разговор, как только могла. Год назад она утопилась в речке. Муж съехал с квартиры, и долгое время там никто не жил.

Я спустился на первый этаж. Из-за двери под номером десять доносился лай собак. Там обитала семья с двумя маленькими детьми и двумя гигантскими бульдогами. А в соседней квартире за обшарпанной дверью жил алкоголик Кошкин. Точнее, даже не жил, а существовал. Когда-то у

него была жена и двое детей – мальчик и девочка. Он, правда, уже тогда страшно бухал, водился с мужиками бомжатского вида и постоянно ругался с женой. Его жена – Валентина Борисовна Кошкина – женщина за сорок со строгим, но красивым лицом, работала продавщицей в магазине недалеко от нашего дома. Они с матерью были подругами чуть ли не со школы. Пару раз, когда дома был отчим – не тот, с которым мы живем сейчас, а другой, мерзкий ублюдок, которого я ненавижу всей душой, – когда он, несмотря на наши мольбы больше не приходить, вваливался в квартиру, она брала меня за руку, и мы спускались к Валентине Борисовне. Там я сидел с ее семилетним сыном, а они вдвоем на кухне долго жаловались друг другу на жизнь. Бывало и наоборот – Валентина Борисовна с детьми прятались у нас от мужа.

Пару лет назад ее дочь вернулась в дрова пьяной со дня рождения подруги. Точнее, даже не вернулась – ее полуголой без лифчика и с трусами в сумочке притащили какие-то незнакомые парни. Валентина Борисовна в слезах с криком «вся в отца» стала лупить дочь ремнем. Та попыталась убежать, ноги заплелись, ее повело в сторону, и, упав, она ударилась виском об угол стола. Она умерла в скорой по пути в больницу. Валентину Борисовну посадили. Муж продолжил пить. Сына забрали в детский дом.

На лавочке возле подъезда, укутавшись в шерстяной платок, сидела Зоя Алексеевна – бойкая старушка со второго этажа. Она всегда хорошо относилась ко мне. Помню, в дет-

стве она часто присматривала за мной, когда мать работала, бабушка уже болела, дед ухаживал за ней, и меня не с кем было оставить. За чашкой чая она рассказывала разные истории из ее долгой насыщенной жизни. Она говорила о годах войны, когда она была еще ребенком, о туркменских пустынях, где она провела молодость, о подмосковных деревнях, где она несколько лет работала дояркой в совхозе, и много еще о чем. Я слушал ее, разинув рот, ловя каждое слово, стараясь ничего не пропустить и не забыть. Я смотрел на ее полное морщинами лицо, на растрескавшиеся от старости губы, на мутные от катаракты глаза, и мне казалось, будто передо мной сидит само воплощение жизненной мудрости.

Я поздоровался с ней. Мы минуту поговорили, и я побрел дальше. К подошвам ног прилипали мокрые листья – всю ночь шел дождь. В выбоинах асфальта серой жижей плескались лужи. Я дошел до пустыря, который раскинулся напротив дома. Здесь в детстве мы с ребятами часто играли в футбол. За пустырем стояли заброшки – недостроенные коттеджи – там мы играли в догонялки. Слева от пустыря зеленый забор огораживал детский сад, куда меня водили до семи лет.

Я мало чего помню из того возраста, но одно воспоминание прилипло намертво: к нам в группу привели новую девочку, и я ей сразу приглянулся – она ходила за мной по пятам весь день. Я убегал от нее; я прятался; я просил отстать от меня, но под вечер, когда меня пришел забирать дед, и воспитательница, как всегда, проорала через весь ко-

ридор: «Чаадаев, выходи, за тобой пришли», – она вдруг сказала мне: «Ничего-ничего, ты от меня не убежишь. Завтра я все равно тебя трахну». Я не знал значения этого слова, попросил деда объяснить, но он ответил свою стандартную отговорку: «Вырастишь – узнаешь». На следующий день – не знаю, уж дед ли постарался или так совпало – ту девочку перевели в другую группу.

Хотя, пожалуй, есть еще одно воспоминание: я среди других детей играл в песочнице, когда одна девочка – не та, что бегала за мной, а другая – вдруг вылезла из песка, подошла к кустам и, задрав юбку, присела. Сначала я ничего не понял. Потом, когда между ног полилась струя, я подумал: «Зачем нужно было садиться, ведь стоя удобней?» А потом, когда я увидел, что у нее нет члена, я просто не мог поверить своим глазам. Я думал, у всех людей есть член. Я подошел ближе, чтобы как следует рассмотреть ее. Действительно – между ног было гладко: только продолговатая узкая линия, будто разрез от ножа. Я спросил: «Зачем тебе отрезали писю?» Она не понимала меня. Стянув штаны, я показал ей, что имею в виду. Тогда она сказала, что у нее никогда не было такой штуки.

Потом, уже вечером, мать, вся красная от смущения, объяснила мне, что у девочек все устроено по-другому. Кажется, для меня тогда это было шоком.

За детским садиком дорога сворачивала к общежитию. Несколько лет назад здесь жил умственно отсталый парень

с матерью. Парню было около семнадцати – почти как мне сейчас, а тогда я ходил в пятый или шестой класс. Или в седьмой... Точно не помню, но это было до моего «домашнего ареста», – значит, мне еще не исполнилось четырнадцать. Мальчик днями напролет ходил вокруг общежития, мычал – говорить он не умел, – и показывал всем прохожим средний палец. Мы с Костей Зубовым – в то время моим лучшим другом, так как с Авдеем я был еще едва знаком, – часто бегали дразнить его. Мы показывали средний палец в ответ, и мальчик разъярялся, он начинал бегать быстрее, мычать громче – он будто пытался что-то сказать, а мы смеялись и ждали, когда из общежития выбежит его мать – она всегда сидела у окна и следила, чтобы ее сына не обижали. Когда она, матерясь, с шваброй в руках выбегала из дверей общежития мы с гиканьем и смехом бросались наутек, а она с сотню метров неслась следом и, устав от бега, возвращалась к заливающемуся слезами сыну.

Потом однажды этот больной мальчик ни с того ни с сего напал на Костю, когда тот просто проходил мимо. Он то ли схватил его за штанину, то ли за промежность, то ли еще что-то – не знаю, меня тогда уже не выпускали из дома, и я не общался с Костей, – я только слышал, что случилась какая-то мерзкая история. Этот больной мальчик с матерью переехали в другой город.

Мать всегда учила меня: «Нельзя смеяться над больными людьми, особенно над детьми». В первый раз она сказала

так, когда мы ехали в маршрутке, и в салон зашел мужчина со скрюченными руками. Я засмеялся. Мать строго отругала меня. Потом она еще и еще повторяла одно и то же, так что эти слова отпечатались на стенках черепа, и сейчас я бы ни за что не стал бы издеваться над тем мальчиком, но почему я так поступал тогда? Зачем? Не знаю.

За общежитием, накренившись набок, стояла автобусная остановка – конечный пункт для многих маршрутов. Сразу за ней проходила официальная черта города. Дальше – только несколько деревень, пустые квадраты полей, разделенные тонкими линиями лесополос, а через пятьдесят километров Ставрополь.

Я свернул от остановки направо, прошел прямо по улице Докучаева и вышел к озерам. Здесь, почти у самого берега, когда-то стоял дом деда с бабушкой. Точнее, дом и сейчас стоит – просто новые хозяева высоким забором отгородились от района и от всего города. В соседнем доме жила моя первая любовь.

Я около часа бродил по берегу, запуская камни в воду и постоянно оглядываясь по сторонам. В любой момент здесь могли появиться мальчишки с района – Костя, Вадим, Леня, хуже всего, если Илья Горный – он жил неподалеку. Встреча с ними сулила неприятности. Не то, чтобы я их боялся... Скорее мне не хотелось напоминать себе, что я когда-то был причастен к их компании.

Мимо заброшенной водокачки, где мы раньше всей тол-

пой – человек тридцать-сорок – играли в прятки, я вышел к каналу. Вдали хмурым наростом над желтой степью торчала гора. Мутная коричневая от ила вода бежала размеренно – ее бег завораживал, глядя на нее, можно залипнуть на долгие часы. По над самым берегом из воды вверх тянулись тонкие стебли камышей. Каждое лето кто-то поджигал их, и огромное пламя охватывало берега, оставляя после себя черные пятна сажи.

Я дошел до моста. Летом с него мы прыгали в воду. Главное – во время прыжка не попасть на плиту, которую случайно уронили, когда строили мост. По-над трассой я дошел до улицы Юбилейной, там какое-то время проблуждал среди частных домов, затем пересек зону гаражей, прошел мимо синей четырехэтажки, мимо желтого ларька с продуктами, где в детстве выпрашивал у бабушки купить мне жвачку, и вышел к дому.

Перед тем как подняться к себе на третий этаж, я еще какое-то время простоял во дворе под оборванным и наполовину осыпавшимся деревом. Я смотрел на наш застекленный балкон. В окнах горел свет. Начинало темнеть. Пахло осенней сыростью.

Моя прогулка заняла несколько часов. Я думал, что отчим уже, наверное, уснул перед телевизором. Мать приготовила ужин и, скорее всего, не садится есть, а ждет меня. Я вдруг почувствовал к ней какую-то теплоту. Я понял, что давно не говорил, как сильно ее люблю. Может, вообще никогда...

Вот такая сегодня получилась запись. Немного печальная.
Наверное, так на меня влияет погода.

22 октября 2019. Вторник

Продолжают тянуться унылые школьные будни. На улице резко похолодало – умерло последнее дыхание лета. Ледяной острый ветер норовит оцарапать лицо или сбить с ног, а потом волочить по земле в неизвестном направлении в свою страну ветров. На самом деле страна ветров – это здесь. Не зря в городе понастроили заводов. Высокие трубы-исполины нависают над домами, а дым из их отверстий – иногда серый, иногда желтый, а порой черный как нефть, – уносится в сторону от города, подгоняемый суровыми осенними ветрами. Выделения из труб оседают в ближайших деревнях, которые еще не успели погибнуть от рук двадцать первого века. На моем районе – он на самой окраине и представляет собой что-то среднее между деревней и городом – иногда тоже чувствуется мерзкий запах протухших яиц.

Сегодня я проснулся раньше обычного – приснился какой-то мерзкий, отвратительный, вязкий сон, будто я блуждаю по школе, а все расступаются передо мной. Я подхожу к группе школьников – они разбегаются. Я вхожу в полный класс – они выходят. Я пытаюсь с кем-то заговорить – он отворачивается. В бешенстве я хватаю его за плечо, резко дергаю на себя, но вместо лица вижу пустой целлофановый пакет.

Я проснулся в ужасе, чуть ли не с криком. Первое время

казалось, будто тело парализовало – поэтому я не кричал. Постепенно я пришел в себя. Хотелось залезть под кровать и не идти ни в какую школу. Я ее вдруг так возненавидел, что, когда щелкнул выключатель, загорелся свет и мать, не входя в комнату, крикнула: «Кирилл, вставай», – я чуть не зарыдал от отчаяния. Потом я сидел за партой, пялился в пустоту красными невыспавшимися глазами и думал, как бы не сдохнуть прямо в школе.

Моя соседка по парте почти никогда не отрывается от айфона. Там благодаря фронтальной камере отражаются ее большие вечно удивленные глаза. Я стараюсь не смотреть на нее, чтобы лишний раз не раздражаться. Я отворачиваюсь к окну, где в тонкое стекло стучится голая ветка дерева. Я не хочу видеть ее надменное лицо и вздернутый от чрезмерного самомнения нос.

Тяжелее всего на уроках английского. Корнилова хорошо его знает – из ее разговоров с подругами я слышал: она постоянно занимается с репетиторами. Я же на уроке блею как баран. Когда учительница требует выполнить задание по парам – она обычно тоненьким голосом пищит как мышь: «А теперь, ребята, повернитесь к своему соседу по парте и обсудите только что затронутую нами проблему», – я готов провалиться сквозь землю. Я чувствую, как шея наливается краской. Мне кажется, будто от напряжения у меня вылезут глаза из орбит. Я открываю рот и, не глядя на Корнилову, выблеываю корявую нелепую английскую речь. Последние

пару занятий я прогулял – уже не было сил позориться, но близится окончание четверти, так что придется возобновить походы на урок.

Вчера я, наконец, стал свидетелем травли в этом классе. Хотя травлей сложно назвать то, что я видел, но все же именно так она начинается. Шел урок истории – первый по расписанию. В классе стояла сонная тишина. Учительница опаздывала. Эдик Шилов громко вздохнул рассказывал своему соседу, как он круто провел выходные и, как обычно, все врал. Он всегда врет, преувеличивает и хвастается – все привыкли. Я сначала удивлялся – зачем? Потом подумал – может, ему слишком скучно. Я ведь тоже начал писать этот блог/дневник от скуки и от желания выговориться – может, и для него это своего рода возможность высказаться, но собственных мыслей у него, видимо, нет – приходится выдумывать всякую херню. Его слушают. Над ним смеются. Он этого не замечает. Ему кажется, что смеются над его совершенно тупыми шутками, которые лучше всего характеризуются фразой «почему шутит он, а стыдно мне».

Тут в разговор встрял Миша Зорин – местный математический гений и заводила всех движух. Сначала он задавал Эдику разные уточняющие вопросы, типа «а где это было», «в каком районе», «сколько прошло времени», так что Эдик завирался сильнее и сильнее, и каждый в классе это понимал. Сам Эдик весь сжался, втянул голову в плечи, глаза выпучил, смотрел по сторонам, как загнанный зверь, и все пы-

тался вырулить на твердую почву, все сильнее погружаясь в трясину вранья. Потом Миша стал откровенно стебаться над Эдиком. Тот, в свою очередь, обиделся и, надувшись, замолчал. Потом в кабинет вошла запыхавшаяся учительница. Миша достал задачник по физике – он на любом уроке решает либо физику, либо математику – других предметов для него не существует – и с головой погрузился в расставление арабских цифр и греческих букв по формулам и уравнениям. Эдик просидел весь урок угрюмым. Хотя, может, и не весь. Не знаю. Уже минут через пять после начала урока я перестал следить за ним. История – единственный предмет в этой дурацкой школе, который хоть как-то меня заинтересовывает.

Наверное, травля – все же громкое слово для этого инцидента. Надо признать, я еще не встречался с буллингом в новой школе, и, на первый взгляд, его как будто здесь почти нет. Да, тут есть свои тихони, которые ни с кем не общаются, сидят по углам и стараются не поднимать головы... Ух, прям как будто себя только что описал... С каких это пор я стал одним из них? Раньше я всегда тусовался с лидерами. А теперь?

С одноклассниками я не общаюсь. Просто не понимаю, как завести разговор. Что делать, если какой-нибудь Миша Зорин начнет надо мной стебаться – что тогда? Влепить ему кулаком в морду? Честно говоря, драться я не особо умею. Мать под давлением предыдущего отчима отдала меня на ка-

рате – там научили махать ногами, а удар кулаком не поставили. Когда я дрался в последний раз, мне откололи кусочек переднего зуба.

Это случилось в детском лагере в Кисловодске. Меня поселили в одну комнату с Никитой Онисимовым – очень колоритный персонаж – мы вместе проучились до девятого класса, пока его не выгнали из школы. Наверное, никто так жестоко не издевался над другими учениками как он. С нами в комнате жил еще один мальчик – не помню его имени, не помню даже, как он выглядел, но хорошо помню, что Никита издевался над ним каждый раз, как оказывался рядом. Он бил его. Он душил его. Он заставлял его жевать грязные носки. Он садился задницей на его подушку и потом заставлял лежать на ней лицом. Он делал многое, о чем неприятно вспоминать. Он даже сломал об него палец, когда избивал, а врачам и учителям сказал, что поскользнулся в туалете. За две недели, пока мы были в лагере, тот мальчик превратился в молчаливую серую тень, и только перед отъездом его захлестнула истерика. В общем холле, где собрались все ученики и учителя, Никита подкрался к нему и тихонько, чтобы никто не видел, пинал его ногой под зад. После очередного пинка тот мальчик упал на покрытый ковром пол и зарыдал, завыл по-волчьи, отчаянно, не в силах сдерживаться. Его успокаивали около часа, а он ревел, материл всех вокруг, кричал, что больше не хочет жить, бился в припадке, пока ему не дали успокоительного.

Со мной могло произойти то же самое – в первый день, когда мы только заехали, когда нас еще расселяли по комнатам, я прыгал по всем кроватям. Ко мне подошел Никита, стал оскорблять и толкаться, утверждая, что я прыгал не его койке, хотя до нее я еще не добрался. Помню, что после его толчка меня будто охватила безумная ярость, мир вокруг как-то резко потемнел – я не отдавал отчет своим действиям – просто в следующий миг понял, что мой кулак врезался в его челюсть. Никита опешил, его глаза округлились и уже через секунду мы, вцепившись друг в друга, катались по полу. Нас почти сразу разняли учителя, но он успел заехать мне коленкой по зубам. В итоге он две недели проходил с огромным синяком на лице, а я – всю жизнь с отколотым зубом. Но зато он больше никогда ко мне не лез.

Перед тем, как его выгнали из школы (что, собственно, и стало причиной отчисления) он зачем-то украл огнетушитель из кабинета ОБЖ и вскрыл его на площадке за школой. А еще у него, по-видимому, были наклонности эксгибициониста. Он садился на последнюю парту, шепотом звал меня или Авдея, реже Саву или Тараса, а когда кто-то из нас оборачивался он говорил: «Смотри, что покажу», – резко вставал, снимал трусы, и пока никто больше не видел, бил членом по парте. Когда учительница поворачивалась лицом к классу, он успевал сесть обратно и сделать ангельски невинное лицо. Помню, когда я в первый раз это увидел, я чуть не умер от смеха. Я так смеялся, что после вопроса училки:

«Молодой человек, что вас так рассмешило?» – я откинул голову назад и, не в силах сдержаться, зашелся безумным смехом Джокера.

Ну не мог же я ответить правду на ее вопрос!

24 октября 2019. Четверг

Сегодня вместо уроков нас погнали в военкомат. Не всех – только несколько человек. Среди них, разумеется, оказался я.

Как обычно, я пришел утром в школу, занял свое место рядом с Корниловой – она уже сидела за партой, ровно выпрямившись, удерживая осанку наездницы. На меня даже не взглянула. Я специально бросил учебники на стол, чтобы они грохнулись погромче. Она вздрогнула (по крайней мере мне так показалось), но виду не подавала. Потом в кабинет зашла завуч и с сочувствующей улыбкой назвала несколько фамилий, среди которых, кроме моей, также прозвучали: Миша Зорин и Виталик Судаков (тот, которого я про себя называю Бегуном). Дима Родин – он сидит за одной партой с Мишей Зориным – не очень правдоподобно изобразил злорадный смех. Завуч оборвала его словами: «Родин, не веселись особо. Ты пойдешь завтра». Он мгновенно умолк. Наверное, в другой ситуации Миша посмеялся бы в ответ, но сейчас его слегка зауженные глаза смотрели по сторонам пятирублевой монетой. Военкомат определенно не самое приятное место.

Не разговаривая друг с другом, мы поплелись сначала к гардеробу за куртками, потом через турникеты на выход из школы, дальше – к автобусной остановке. Молча мы сели в автобус, молча доехали до военкомата. Каждый из нас думал

о том, что сейчас нас заставят раздеться до трусов и в одних носках ходить по коридорам от одного врача к другому. Так примерно потом и было, только снимать одежду заставляли не в коридоре, а в каждом втором кабинете.

У забора с массивной металлической дверью мы произнесли первые слова. Я нажал на звонок. Из домофона послышался искаженный помехами грубый мужской голос:

– Кто?

Мы замялись. Миша с Бегуном переступали с ноги на ногу. Я отчаянно пялился на них. Стало ясно, что они не ответят.

– Кто? – монотонно, но с ноткой бешенства, проступающей даже сквозь помехи, произнес голос из домофона.

– В военкомат, – сказал я и дал петуха; прочистил горло и повторил: – В военкомат.

Послышался писк. Щелкнул замок. Я толкнул дверь. Жестом учтивого хозяина пригласил своих спутников войти. Миша пробормотал:

– Спасибо.

И прошел через дверь. Бегун уперся – встал бараном и будто не мог сдвинуться с места. Я повторил свой приглашающий жест более настойчиво. Бегун захлопал глазами.

– Иди ты вперед, – сказал он.

Я пошел следом за Мишей. Тот стоял у подъезда и ждал нас. Бегун двинулся за мной. Внутри у нас забрали паспорта – я тут же почувствовал себя бесправным беспомощным

работом – в голове мелькнула мысль: «Что если не вернут?» Но почти сразу отдали обратно, только переписав имя, серию и номер. Потом мы около часа ждали в большом зале, где кроме нас троих собралось еще несколько десятков таких же бедолаг. Там какой-то военный в форме рассказывал о важности патриотизма, о пользе служения стране, об угрозе со стороны внешних врагов и еще много всякой херни – я все пропустил мимо ушей и, кажется, даже почти заснул, когда громко произнесенная моя фамилия вывела из оцепенения. Каждому нужно было подойти к столу, за которым сидел военный, и взять личное дело. Военный коверкал фамилии, как только мог. Мою он прочитал со второго раза, хотя что в ней сложного – не понимаю.

Дальше мы по очереди бродили от кабинета к кабинету, от одного врача к другому. Когда я подходил к очередной двери, возле которой толпилось множество угрюмых неприветливых лиц, я жадно искал среди них Мишу или Виталика, и, если находил, облегченно устраивался рядом. Они тоже были рады меня видеть. Возле кабинета психолога мы разговорились с Мишей. Я показал ему свое личное дело. Там среди прочего есть психологические тесты – я их проходил в прошлом году, когда люди из военкомата приходили в предыдущую школу. Тогда они зачитывали вслух вопросы, а в тесте я должен был указать «А», «Б», «В», «Г» – тот вариант, который больше, по моему мнению, подходит. Вопросы были из разряда «Как часто вам хочется себя убить?» или «Как

часто вам кажется, что за вами следят». Вариант «А» предполагает «никогда», вариант «Б» – очень редко, «В» – довольно-таки часто и «Г» – всегда. Сначала я отвечал честно, потом отвлекся, прослушал несколько вопросов и в итоге, сбившись со счета, везде проставил букву «А». Только на следующем блоке вопросов я понял, что логика поменялась. Теперь «А» – наоборот, означала худший из ответов, но было уже поздно. Так я и сдал эти тесты с одинаковым ответом на все вопросы.

Миша поржал над моей историей и в ответ рассказал, как один его знакомый пришел в военкомат подписать какие-то бумажки, а ему объявили, что все – забирают. Тогда он спрятался в туалете, разорвал на мелкие кусочки личное дело, смыл их в унитаз и сбежал через форточку. Что с ним было потом, Миша не знал.

В последнем по счету кабинете – там на скрипучем стуле сидела женщина необъятных размеров – у меня спросили:

– Вы хотите служить?

Я не понял вопроса.

– Вы служить хотите? Ну в армии служить. В армию пойдете?

Сами собой в голове всплыли совершенно неподходящие к ситуации слова с урока литературы: «Служить бы рад, да прислуживаться тошно», – затем более приземленная моя собственная мысль: «Да идите вы в жопу!» Однако вслух я сказал:

– Конечно. Каждый мужик должен отслужить в армии.

– Молодец, – кивнула женщина.

Часом ранее в кабинете невролога меня спросили о том же:

– В армию собираетесь?

– Собираюсь, – соврал я.

– Вы вообще нормальный? – спросил тогда врач, подняв глаза поверх очков. – Вы у психолога уже были?

У психолога сразу за облаченной в белый халат спиной на всю стену висел плакат с краткой памяткой о признаках, по которым можно выявить психически нездоровых людей. Я так и не понял, была ли это шутка или серьезная инструкция к действию.

На плакате в самом низу маленьким шрифтом в виде сноски под двадцать вторым номером значилось: «Любой психически здоровый человек не хочет идти в армии, вследствие чего автоматически признается годным. Однако безудержное желание послужить своей стране в качестве пушечного мяса не является поводом для отсрочки или признания негодным».

Конечно, в армию я не собирался. У меня с детства плохое зрение. Сейчас уже минус шесть. Помню, до того, как мне подобрали линзы, я ходил без очков – ничего не видел дальше двух метров, но продолжал ходить слепым. В детском саду одного мальчика в очках дразнили «очкарик в жопе шарик». У меня в голове это отложилось на всю жизнь – я бо-

ялся, что со мной будет так же. Я не мог надеть очки на людях — ходил по улице почти на ощупь. Я даже номера маршрутки не видел, когда стоял на остановке. Я тормозил ее наугад, подходил рассмотреть номер, и, если он мне не подходил, просто убегал. Так что надеюсь отмазаться по зрению.

После окончания медкомиссии мы все втроем пошли к остановке. Миша жил в деревне, в получасе езды от города. Мы довольно тепло попрощались. Он оказался вполне нормальным парнем. Зря я на него наговаривал. С Виталиком мы проехали пару остановок вместе — он все так же большую часть времени молчал. Потом он вышел из маршрутки. Я поехал дальше. Возвращаться в школу не имело смысла — уроки почти кончились. Да и потом я чувствовал себя смертельно усталым, будто военкомат вытянул из меня все жизненные соки.

26 октября 2019. Суббота

Наконец-то наступили долгожданные каникулы. Такое ощущение, словно прошла целая вечность с тех пор, как я учусь в новой школе, хотя миновал только октябрь – это всего два месяца! Старая школа уже почти не вспоминается – кажется, она была в прошлой жизни и будто не совсем в моей.

Вчера, когда прозвенел звонок, оповещающий о начале большой перемены, и все встали, чтобы куда-то бежать, а я продолжил сидеть, как обычно, на своем месте, ко мне подошел Миша Зорин. Точнее, не совсем подошел. Он встал из-за парты вместе со всеми, но не кинулся ко выходу с послушным стадом, а задержался на несколько секунд, пропуская поток вперед. Когда класс опустел, и мы остались вдвоем, он на секунду замешкался в дверях, повернулся и будничным тоном спросил:

– В столовую идешь?

Я сначала не понял – думал, он обращается к кому-то другому, а потом я также буднично, будто мы вместе ходим в столовую каждый день, кивнул:

– Пойдем.

В столовой я держался сразу за Мишей. Казалось, стоит мне отойти или, что еще хуже, пропустить кого-нибудь перед собой в очереди – и всё, неведомая, тонкая связь между мной

и другими одноклассниками оборвется. Остальные товарищи Миши уже заняли стол и ждали его. Я заметил там всего один свободный стул. Меня охватило сомнение – не хочет ли он подшутить надо мной? «Я сейчас пойду следом за ним, – подумал я. – Он займет единственное свободное место и сделает вид, что не звал меня. Что тогда? Я буду выглядеть идиотом. Они будут надо мной смеяться».

Миша, расплатившись на кассе за обед, с подносом в руках пошел к свободному месту среди друзей. Я на несколько секунд завис, соображая, что делать. За мной уже скапливалась недовольная очередь. В уме я быстро прикинул, сколько у меня денег, – понял, что со скрипом должно хватить на комплексный обед. Отдав измятые купюры кассирше с пухлыми щеками, я собирался направиться в свободный дальний угол столовой. Мой взгляд скользнул по столу, где сидели Миша с друзьями. Он тащил дополнительный стул от соседнего стола. Я сел с ними.

Они на мгновение замолкли – нарушенная мною беседа будто слегка сбавила темп, но уже через несколько секунд они, не обращая на меня особого внимания, продолжили обсуждать последние ролики Навального. Я молчал – мне нечего было сказать. Темой политики я никогда не интересовался, а про Навального знал только потому, что его ролики иногда выбиваются в тренды Ютуба.

Потом кто-то завел речь про конфликт Макгрегора с дагестанцами, но беседа почти сразу завяла. У Миши зазвонил

телефон. Схватившись за вибрирующий карман, он куда-то выбежал. Дима послал ему вслед пару нелепых шуток. Мы молчали около минуты. Я ворочал ложкой в отвратительно пахнувшем соплей растекшемся по тарелке картофельному пюре. Кто-то сказал, что так и не попал на медкомиссию в военкомат – придется идти на каникулах. Дима тут же оживился:

– Что будет, если я не пойду?

– Посадят, – ответил Эдик.

– Да ладно, – возразил Витя Комаров.

– У меня так один знакомый не ходил на медкомиссию.

Потом его сразу после школы забрали, – сказал Эдик.

– Куда забрали?

– В армию.

– Ты же сказал: посадят, – уточнил Дима.

Эдик надулся. Его бычья шея пошла красными пятнами.

Глаза лихорадочно заблестели. Стало ясно, что он опять, мягко говоря, приврал. Я едва сдерживался, чтобы не заржать. Дима помотал головой, будто отгоняя назойливую муху, и обратился ко мне:

– Кстати, что там было в военкомате?

Все сидящие за столом мгновенно повернули головы. Я обвел взглядом их лица. За два месяца я уже успел запомнить их имена и даже изучил повадки. Вот, например, Витя Комаров – молчаливый парень с черными всегда будто задумчивыми глазами и длинной закрывающей лоб челкой.

Он, сам того не замечая, все время дергает головой вправо, чтобы убрать волосы с глаз. Влад Котов – наоборот подстрижен коротко, под машинку. Он постоянно проводит рукой по почти лысому черепу. Его глаза добрые, как и его шутки – он будто боится обидеть собеседника и, если шутит, то в основном о себе. Удивительное качество для чемпиона Ставропольского края по рубке казачьей шашкой (или чего-то подобного – я детально не вникал). Олег Трифонов – здоровенный широкоплечий детина – он на всех уроках только и делает, что играет на телефоне. С Эдиком Шиловым все понятно – он постоянно врет, а Дима Родин – с ним сложнее... Его я еще не понял.

Чуть поодаль за соседним столом сидели две главные красавицы класса: блондинка Саша Бондаренко и брюнетка Оля Куц. Украдкой я поглядывал на них, когда сидел за последней партой. Я любовался стройной талией Оли или не мог оторвать взгляд от бедер Саши, когда она приподнималась и слегка наклонялась вперед к сидящему перед ней. Они абсолютно разные, но одинаково привлекательные. Многие парни бегают за ними – точнее, все, кроме Миши. А как Эдик вьется вокруг Саши – это словами не передать – словно виноградная лоза вокруг талии Афродиты. Они не участвовали в общем диалоге – они вообще сидели за другим столом, но в тот момент мне вдруг показалось, что и они обернулись, что и они ждали моего ответа.

– Ничего особенного, – сказал я. – Просто прогнали по

врачам. Поназадавали дурацких вопросов и отпустили.

– А что проверяли? – спросил Эдик.

– Все.

– Вообще все?

Я невольно засмеялся.

– Да ладно – там нечего бояться. Все проходит долго, нудно, но ничего страшного нет.

– Так ты годен? – спросил Дима.

– Конечно. Там нет не годных.

– Чтобы тебя признали негодным, надо еще постараться, – встрял Эдик, и на этот раз он был чертовски прав.

Прозвенел звонок. Мы все вместе нехотя поплелись к классу физики. Нам предстояла последняя контрольная в четверти, и мне нужно было придумать, как и у кого ее списать, потому что сам я едва ли смог бы решить хоть половину.

В итоге контрольную я списать не смог – скорее всего получу за нее двойку, но она уже пойдет в следующую четверть. Впереди неделя свободы: не надо будет вставать в семь утра, тащиться в дребезжащей маршрутке, сидеть за одной партой с Корниловой, в одиночестве блуждать по коридорам школы, чтобы хоть как-то убить время между уроками. Но каникулы означают еще и окончание четверти – а значит, и четвертные оценки. Там у меня все не очень хорошо. Тройки почти по всем предметам, кроме русского, истории, математики и физики. По первым двум я каким-то образом умудрился по-

лучить четверки. По двум вторым... Скажем так, мне пока удалось избежать того, чтобы в дневнике оказались двойки – договорился что-то принести: выполнить какие-то задания на каникулах, чтобы «задним числом» закрыть эти пробелы.

Очевидно, я этого делать не буду – пусть ставят что хотят – мне плевать. Только вот мать этого не поймет. Она еще не смотрела дневник, а когда посмотрит – расстроится. Вот чего бы мне меньше всего хотелось – так это расстраивать ее, но тут, видимо, уже ничего не поделаешь.

3 ноября 2019. Воскресенье

Сказать, что каникулы пролетели незаметно, как в таких случаях говорят, ничего не сказать. Неуловимое мгновение между нулем и единицей тянется дольше, чем эти каникулы. Щелчок пальцев звучит дольше, чем эти каникулы. Усэйн Болт на стометровку тратит времени больше, чем длятся эти каникулы. Короче – послезавтра снова в школу.

За всю неделю я ни разу не притронулся к листу бумаги (фигурально выражаясь, разумеется) – не сделал ни одной записи в блоге/дневнике. Честно говоря, у меня совершенно не было потребности выговориться, излить душу или что-то в этом духе: я чувствовал себя замечательно. Я прихожу к мысли, что человек может стать писателем, только когда страдает. В принципе, это относится к искусству вообще. Без «страдания души» у творца, видимо, не получится великого произведения. Взять хотя бы Достоевского – он четыре года ни за что отмучился на каторге. Хемингуэя ранили на фронте Первой Мировой. Эдгар Алан По страдал от психического расстройства. Гоголь – от шизофрении. У Горького было тяжелое детство. И так далее. У меня же все хорошо – вполне заурядное типичное детство – значит, не стать мне писателем...

В течение недели каждый день я встречался с друзьями, и мы шлялись по городу в поисках приключений. Иногда мы

их находили, иногда они находили нас, чаще – просто ску-
чали. Один раз в начале каникул мы довольно жестко нажи-
дались в «Мидасе» – бильярдной и нелегальном казино. Ту-
да пускают без паспорта и разрешают проносить свой алко-
голь. Обычно мы часа на три снимаем теннисный стол – он
дешевле бильярдного – приносим что-то из спиртного и вы-
пиваем, изредка поигрывая в теннис. В этот раз мы купили
недорогой трехзвездочный коньяк и две полуторалитровые
бутылки пива. Наш столик был занят – пришлось подождать
полчаса, пока он освободится. В это время Авдей клянчил
оставшиеся деньги – ему приспичило сыграть в игровые ав-
томаты, но все наши скудные финансы ушли на коньяк, пиво
и бронь теннисного стола. У меня оставалось только трид-
цать рублей на автобус.

Наш стол освободился. Я сыграл партию с Игорем, Тарас
– с Севой. Авдей, не дожидаясь нас, откупорил коньяк и,
расстроенный тем, что не удалось сыграть в казино, залпом
осушил половину пластикового стаканчика. Мы присоеди-
нились к нему чуть позже. От глотка этого омерзительного
пойла мгновенно хотелось извергнуть содержимое желудка
на пол – пришлось запивать пивом. Через час меня уже ша-
тало. Параллельно с нами два мужика глубоко за сорок иг-
рали в бильярд. Точнее, они тоже делали вид, что играют –
кием по шару они едва попадали, зато каждые пять минут
прикладывались к бутылке водки. Через два часа мы уже бу-
хали вместе. Увидев, как мы пьем коньяк и запиваем его пи-

вом, один из них возмущенно заорал:

– Что вы делаете, Ироды! Коньяк с пивом – это святотатство.

Потом он попросил:

– Дайте попробовать, что ли?

Потом он предложил выпить с ним:

– Водку пьете?

А дальше мы каким-то образом поменялись столами. Я уже слабо соображал, что происходит – помню, как целуюсь кием в большой белый шар, случайно попадаю, и шар, вылетев с зеленой поверхности стола, несется прямо в стену.

Затем мы пустились гулять по городу – как всегда влезли в какую-то потасовку с кавказцами, но обошлось только криками и взаимными угрозами. Авдей ходил с банкой «Страйка». Стемнело – мне пора было возвращается домой. В карманах я не обнаружил ни рубля. Оказалось, Авдей все же выпросил у меня и остальных последние деньги и купил на них тот самый «Страйк». Пришлось идти домой пешком. Мать была во вторую смену, поэтому меня не спалили.

Больше я на каникулах не пил. Во-первых, кончились карманные деньги, сохраненные на обедах за последние две недели. Во-вторых, не хотелось. Авдей выпивал почти каждый день. Обычно это выглядело так: мы договаривались собраться все вместе, например, часа в три; Авдей подговаривал меня или Севу пересечься на час раньше; сидя во дворе на лавочке, мы болтали о какой-нибудь чепухе, пока Ав-

дей приканчивал одну-две банки ягича или «Страйка». Затем подтягивались остальные, и все вместе мы соображали, что делать дальше.

С Авдеем я познакомился в пятом классе. До этого я учился в маленькой школе у себя на районе – она состояла только из четырех классов начального образования. Когда-то давно, в советские времена, это был даже не район, а совхоз – деревня, но город за года разросся, всосав ее в свои индустриальные улицы. Городские власти решили оставить школу, переделав под православную гимназию, где в меня безуспешно четыре года вдавливали закон божий. Закончив четыре класса, я перешел в другую, где уже учились Авдей, Игорь и Сева. Тогда я с ними мало общался – я продолжал дружить с пацанами с района – шпаной и хулиганами, пока пару лет назад все резко не изменилось... Но об этом я не хочу вспоминать.

Авдей живет в однокомнатной квартире с мамой, которая работает учительницей младших классов. Его отец умер лет пять назад от алкогольного угара. Однажды напившись до белой горячки, он расшиб себе лоб об пол. Когда его нашли, было уже поздно. Иногда Авдей говорит, что отец смотрит на него с небес и не одобряет его поведения, потом он подносит ко рту банку с ягичем и грустно из нее отхлебывает.

В один из дней мы сидели на лавочке во дворе возле «Магнита». Погода преподнесла приятный сюрприз – возможно, последний теплый день в этом году. Игорь притащил отку-

да-то гитару. Он тихонько перебирал струны. Мимо проходили отдаленно знакомые парни и девушки. Их привлекла музыка, и они присоединились к нам, чтобы послушать. Постепенно возле нашей лавочки столпился народ. Мы обступили Игоря со всех сторон, и он невероятно чутким голосом запел божественно прекрасные песни: «Детство золотое», «Настя, подари мне счастья», «Обычный автобус», «Дед Максим» и другие. Мы все как могли подпевали: кто-то, как я, просто орал, кто-то попадал в ноты. В этом было что-то теплое, вечно родное, отчего хотелось закрыть глаза и позволить слезам катиться по щекам и дальше по шее – на пол, под ноги, где мелкими брызгами разбиваться о грязный асфальт. Хотелось, чтобы музыка не замолкала – пусть играет вечно для нас, для всех людей на Земле: кому скучно и одиноко, кого забила безжалостная судьба, кого приперло к стенке и, кажется, выхода нет – для всех нас пусть бы вечно играла эта шестиструнная волшебница...

Игорь прекратил играть. Народ, больше не удерживаемый магией музыки, растекся по своим делам. Гитара оказалась в руках подвыпившего Авдея. Он неумело ударил по струнам – они жалобно заскулили, а он, не обращая внимания на их плач, пустился во фристайл, изредка подгоняя свое безумное рифмоплетство хлесткими ударами по струнам. Я катался по полу от смеха. Остальные: Тарас, Игорь и Сева – тоже держались за животы. Жаль, я не запомнил его импровизированных стихов – да и невозможно в напечатанном тексте

передать интонацию, тембр голоса, мимику – все то, что заставляло нас задыхаться от хохота.

– Тебе надо играть в подземном переходе, – отдышавшись, сказал я, когда Авдей, уставший, отдал гитару Игорю. – Сможешь заработать себе на выпивку.

Сева с Тарасом заржали, Авдей усмехнулся, но в его глазах я заметил нехороший блеск, будто эта идея и вправду могла заслуживать внимания. Тарас начал доставать Севу:

– Сыграй «Батарейку», – говорил он.

– Отстань, – отвечал Сева.

Пару лет назад он закончил музыкальную школу, но так ничему и не научился. Его туда отдали родители. Сам он не горел желанием заниматься музыкой, да и, по-видимому, не имел способностей – так отходил для галочки и для родителей. Оставалось загадкой, как он вообще умудрился сдать экзамены. Мы не упускали случая подколоть его. На все вопросы, ответы на которые не водились в его голове, он всегда отвечал: «Отстань».

– Ну сыграй «Перемен», – не унимался Тарас.

– Отстань.

– Ну сыграй, что умеешь.

– Отстань.

Вот так прошли каникулы. Уже завтра надо будет собирать сумку, выложить ненужные учебники, которые пылятся там еще с прошлой недели, лечь желательно не поздно, чтобы потом встать в семь утра, и тащиться в школу в перепол-

ненной маршрутке.

Когда это уже закончится? А самое страшное: когда это закончится – что будет потом?

6 ноября 2019. Среда

Мать сегодня ходила на родительское собрание... О том, что было, когда она вернулась, писать нелегко. Нелегко подобрать слова. Что-то типа «и земля разверзлась, и грянул гром среди ясного неба, и проклятия всего мира обрушились на мою несчастную голову...» Нет, такие слова не подходят. Ирония тут совершенно ни к чему. Потому что она права. Я сначала хотел проигнорировать, как обычно, пропустить мимо ушей, потом злился, думая – она ничего не понимает... Но сейчас, после нашего разговора, осознаю: она права.

Оценки за прошлую четверть у меня хреновые – да и те, что есть, я получил чудом: кто-то поставил якобы авансом, кто-то сжалился, кто-то просто не захотел портить статистику. Так что ничего хорошего от сегодняшнего похода матери в школу я не ждал.

Вернувшись домой, она долго молчала. Еще с порога я понял – дело дрянь. Она не смотрела на меня. Даже не поздоровалась. Пока на кухне она разогревала еду, я тихо сидел за столом, не решаясь уйти в свою комнату. Она стояла ко мне спиной. Размеренно гудела микроволновка. В соседней комнате неразборчиво бубнил телевизор. Все звуки долетали словно издалека, словно сквозь вату. Напряжение на кухне росло. Звенел сам воздух, будто наполненный угарным газом. Казалось, неверное движение или, что еще хуже,

какой-нибудь звук, подобно искре, способны были взорвать всю квартиру к чертям собачьим. Потом внезапно напряжение спало. Я осторожно поднял глаза на спину матери и увидел, как ее плечи сотрясались, а сама она, склонившись над раковиной, беззвучно плакала.

Больно кольнуло в сердце. Ножки стула внезапно словно изогнулись. Я потерял уверенность в твердости пола. Нерешительно и как-то жалобно я протянул:

– Мааам.

Послышался отчаянно потрясший меня всхлип. Она не отвечала.

– Мам, ну ты чего?

Не оборачиваясь, она сказала:

– Зачем ты так со мной?

Меня накрыло дежавю. Когда-то давно в прошлой жизни уже было такое. Хотя тогда, конечно, хуже – мать плакала с надрывом, в голос, не успокаиваясь и причитая «за что?». Но и сейчас было нелегко вынести ее слезы. Я почувствовал себя мудаком, последней мразью на Земле.

Мама села за стол передо мной. Тушь потекла – глаза превратились в два расплывчатых черных пятна. На щеках блестя слезы.

– Скажи, ты меня совсем за человека не считаешь?

Я тяжело сглотнул застрявший в горле ком.

– Я на двух работах пашу как лошадь днем и ночью, чтобы оплатить твой долбаный лицей, – она снова сорвалась в

плач, — а ты вот так меня благодаришь? Кирилл! Ну почему? Выйди на балкон, посмотри вокруг — посмотри-посмотри — ты всю жизнь хочешь гнить в этом болоте? Кирилл! Ну как ты не поймешь... Еле сводим концы с концами... Ипотеку отдали только благодаря дому деда с бабкой... Такой жизни ты для себя хочешь? Такой?! — она уткнулась лицом в ладони, из груди вырывался плач, — Я каждый день медсестрой... за грудничками-отказниками... столько насмотрелась — на две жизни вперед хватит... Думаю — все ради сына... Думаю — и не такое вытерплю, если придется... А ты вот так?

Она замолчала — плечи сотрясались от рыданий. Мне хотелось провалиться сквозь землю. Мне хотелось умереть, не вставая со стула. Я не знал, что говорить. Ощущение невыносимого стыда выжигало изнутри.

В дверном проеме появился отчим. Он пробормотал:

— Что тут у вас происходит?

Мама мотнула головой и прошептала:

— Уйди.

Он несколько секунд ошалело хлопал глазами, потом молча развернулся и, громко сопя, пошел обратно смотреть телевизор. Его появление разрядило обстановку. Мама перестала плакать. Она вытерла глаза салфеткой — на бумаге остались черные пятна от туши. Потом спокойным голосом пересказала, что было в школе. Я слушал молча.

На самом собрании обо мне не говорили: одних хвалили, другим советовали подтянуть те или иные предметы, обсуж-

дали общие организационные вопросы и затронули выпускной – до него еще уйма времени, почти целый год, но думать посоветовали уже сейчас. Когда общее собрание кончилось, маму попросили пройти к директрисе. Тут уж мне перемыли все косточки. Видите ли, это лучшая в городе школа; образцово-показательный класс; планируется несколько золотых медалей (одна из них, разумеется, достанется Корниловой); все ученики поступают в ведущие вузы страны и прочая стандартная байда. Потом маме показали мои оценки, пришли какие-то учителя, стали жаловаться. Преподаватель по информатике, лысеющий мужик с пивным животиком и мягким характером, даже неуверенно сказал, что я «вроде как умный парень, но ленивый и безответственный». Видимо, он увидел, как сильно расстроилась мама, и решил таким образом поддержать ее. По ее словам, она краснела и не знала, куда деть глаза.

Короче, ситуация следующая: если я не исправлюсь за вторую четверть, то они «будут рекомендовать перевести меня в другую школу», так как я типа не справляюсь с нагрузкой и мне нужно что-то попроще. Говоря нормальным языком, они меня вышвырнут.

Под конец мама успокоилась и сказала:

– В общем, это твоя жизнь. Делай с ней что хочешь.

Она ушла спать, а я еще долго сидел на кухне, будто прикованный к одному месту. Я слышал, как неразборчиво шептались мама с отчимом, как выключился телевизор, как на

улице вдруг залаяли собаки, и кто-то под окном громко выругался пьяным голосом. Потом я пошел писать этот текст. Сейчас допишу его и попробую лечь спать. Грудь когтями разрывает от тягостного непонятного чувства. Надеюсь, когда я поставлю точку, обозначив конец этого текста, мне станет легче.

7 ноября 2019. Четверг

Оказывается, еще в прошлой четверти нужно было определиться с предметами, которые я собираюсь сдавать на ЕГЭ. Все в классе уже выбрали и в особом листочке, лежащем на столе завуча, напротив своей фамилии вписали названия дисциплин. Пустая графа осталась только у меня. Не знаю, как я упустил тот момент, когда сообщали об этом. Наверное, я, как обычно, решил: какая-нибудь очередная херня – они любят проводить дебильные опросы и заполнять глупые анкеты, чего я на дух не переношу. Ну а потом – я до сих пор не задумывался, что сдавать, куда поступать, чем заниматься после школы... Надо же будет потом кем-то работать... Где-то зарабатывать деньги...

Я когда-то давно, поглощенный мечтой о том, что в далеком будущем стану писателем, совершенно оторвался от реальности. Я почему-то решил, что эта мечта исполнится сама собой. Почему так – не знаю. Может, тонны льющейся ото всюду рекламы типа «Газпром – мечты сбываются», или голливудские фильмы, обещающие море оптимизма, бескрайних возможностей и рассказывающие, что все мы особенные и каждый может стать кем захочет... Не знаю... Не знаю... Только как-то внезапно, после вчерашнего разговора с мамой, я вдруг осознал: надо что-то делать, а не ждать, когда из-за гор начнет дуть трамонтана...

После уроков я пришел в кабинет завуча – хотел записать предметы для сдачи ЕГЭ. Правда, сперва я долго мялся за дверью. Не хотелось попасть под ее осуждающе торжествующий взгляд. Выходило, будто после родительского собрания мама погнала меня исправляться. Наверное, в каком-то роде так оно и есть. Я чувствовал себя виноватым – я должен был что-то сделать, чтобы исправить ситуацию.

Постучавшись, я вошел, попросил заветный листик. Она учтиво его протянула. Я занес было ручку над пустой графой напротив своей фамилии и... завис. Черный кончик ручки уткнулся в белый лист. Моя рука слегка дрожала от волнения. Напротив имени Миши Зорина стояло одно слово, выведенное крупными кривыми печатными буквами: «ФИЗИКА». Дима Родин тоже выбрал физику и информатику. Даже Эдик Шилов собирался сдавать физику и химию. Почти у всех моих одноклассников физика была основным предметом – ничего удивительного для физ.-мат. лица. Кажется, только одна Корнилова аккуратным слегка наклонным почерком – буквы, словно держась за руки, пустились в хороший вод, как те люди с картины Матисса – записала «ин. яз.» и «история».

– Вписал? – послышался голос завуча.

Я поднял на нее голову.

– Нет, – ответил я.

– Если хочешь, можешь прийти завтра.

И я ушел, оставив графу «выбранный предмет» уже не пу-

стой, – в ней стояла жирная черная точка.

Всю остальную часть дня я думал о том, какие же все-таки предметы выбрать. Я думал об этом, когда ехал домой после школы, когда брел мимо пустыря, где в самом центре кто-то воткнул в землю длинную палку, и на ней флагом развевались чьи-то полосатые бело-сине-красные трусы. Я продолжал размышлять об этом вечером, когда разогревал маме ужин – я решил сделать ей приятное. Она пришла как всегда уставшая. Мы какое-то время молча сидели за столом. Я смотрел, как она ест. Потом она спросила:

– Что там в школе?

Поглощенный своими мыслями, я пожал плечами.

– Все нормально, – ответил я.

8 ноября 2019. Пятница

Сегодня я все же определился с предметами для сдачи ЕГЭ.

Всю ночь не спал: терзаемый размышлениями, как поступить и что делать, я стеклянным взглядом пялился в бледное пятно потолка, проступающее сквозь ночную мглу, будто пытался увидеть там правильное решение. Оно никак не приходило в голову.

Допустим, русский – обязателен; допустим, профильная математика – она требуется почти везде. Что еще? Литература? Раз я хотел стать писателем, сам бог велел выбрать ее.

На телефоне я открыл тесты по литературе. Погруженную в темноту комнату залило тусклым светом от экрана. Я пробежался глазами по вопросам. Ну хорошо, на вопрос об определении авторского жанра «Мертвых душ» я мог бы ответить – где-то слышал. Но следующий вопрос «с какой целью Лука рассказывает ночлежникам историю о праведной земле?» поставил меня в тупик. Кто такой Лука? Зачем он рассказывает историю о праведной земле? Черт его знает... Или вопрос: «Каким размером написано стихотворение А. Т. Твардовского «...Есть имена и есть такие даты...»? Я не читал Твардовского – и вообще не люблю поэзию.

Я еще пробежался по списку вопросов. Процентом на восемьдесят я ответов дать не мог. Мои знания по литературе

ре носили крайне несистемный характер и половину из того, что нужно знать, я не читал вообще.

Литература не подходила. Биология? Изучать всякую гомозиготную херню тоже не хотелось. Из химии я слышал только о спирте. При мысли о физике на голове волосы, будто наэлектризованные, вставали дыбом, мозг съеживался до размера кварка и пускался в спиновое вращение. География? Я дальше Кисловодска никуда не выезжал и кроме очертаний материков на карте мира ничего не видел.

Мои размышления вместе с большой стрелкой часов бежали по кругу снова и снова, снова и снова. Подобно ей, они раз за разом проходили по одним и тем же значениям, доводам и аргументам. Под утро я уснул с мыслью, что я безнадёжен, глуп, ни в чем не разбираюсь и ничего не умею. Я продолжал процесс самобичевания даже во сне – мне приснилось, будто я голый сижу на железном холодном стуле в пустой комнате и каждой раз, когда секундная стрелка пробегает по цифре 12, бьюсь лбом о стол.

Решение проблемы пришло в кабинете завуча, когда я, снова дрожа от волнения и неуверенности, склонился над списком фамилий, за которыми скрывались уже определившиеся в жизни люди. За секунду до того, как ручка опустилась на белый лист бумаги в графу, где я вчера поставил жирную точку, я подумал: впишу то, отчего меня не тянет блевать, и то, что выбирают, когда не могут определиться – пусть это будет история и обществознание.

Вот так я определил себе судьбу. Вот так я выбрал для себя будущее. Завуч сказала, что теперь я должен сосредоточиться на этих дисциплинах, теперь я могу ходить на дополнительные занятия. После ее слов я чуть было не вычеркнул их, но, вспомнив позавчерашний разговор с матерью, смиренно покинул кабинет.

Кстати, вчера впервые с начала учебного года я сделал домашку. Было невероятно сложно заставить себя сесть вечером за учебники, но я все же смог.

12 ноября. Вторник

Пошла вторая неделя месяца ноября, второй четверти и моей новой жизни, в которой я прилежно учащийся ботан. Я делаю всю домашку. Точнее, пытаюсь делать всю, но там, где начинается откровенно абсурдная херня, приходится забивать. Тогда я закрываю глаза и говорю про себя: «Ладно, Кирилл, успокойся и вдохни поглубже. Видимо, пришло время послать их всех в жопу». И я посылаю их всех в жопу. Весь этот долбаный «комбинат» с их кавычками, квадратными скобками, рамками и оценками. Я говорю себе: «Кирилл, черт возьми...» — в моих мыслях почему-то я всегда разговариваю как брутальный ковбой из старой рекламы Мальборо с сигаретой в зубах, обязательно использую словечки типа «черт подери» и «сраные копы» — я говорю себе: «Кирилл, черт возьми, будет ли то, чем ты занимаешься сейчас, так же важно через пять лет, через десять лет, через пятнадцать лет...»

В моих закипающих мозгах все смешивается. Я перестаю видеть разницу между интегралом и пределом. Я беру в руки недочитанную книгу — черные значки букв разбегаются по желтому пергаменту — я пытаюсь их остановить, но они уползают дальше за пределы страниц. В такие минуты я с ужасом хватаюсь за голову, превращаясь в живую репродукцию мунковского «Крика»... Я задаюсь вопросом: «А не хватанул ли

я часом наркоты?» Говорят, такой эффект бывает от кислоты. Не знаю – никогда ее не пробовал. От хреновой травы тоже можно поймать бэд трип. Я видел такое пару раз, но сам...

Что-то меня занесло не в ту степь. Это все от переутомления. Сейчас одиннадцать тридцать вечера. Я часов пять подряд пытался решить две задачи по алгебре. Безрезультатно. Чувствую себя обессиленным. Хочется чего-нибудь выпить. А еще лучше кое-как дотянуть до выходных и нажраться с Авдеем в хлам. Но сейчас только вторник.

Для себя я нашел еще один способ расслабляться – картины. Я открываю на компьютере картины разных жанров: пейзажи, натюрморты, батальную, бытовую живопись или что-то из современного – пялюсь на них минуты две-три, потом закрываю глаза и про себя повторяю то, что запомнил, как если бы мне нужно было описать их в книге. Помогает расслабиться лучше, чем сериалы, но хуже, чем алкоголь...

Сегодня еще вызывали к доске на обществознании. Начался урок. Миша и Дима, как обычно, демонстративно раскрыли учебники по физике – они напрочь отрицают гуманитарные предметы. Остальные опустили глаза – все боялись, что их вызовут к доске. Пару минут в классе звенела тишина. Потом учительница сказала:

- Чаадаев, ты, кажется, решил сдавать обществознание?
- Да, – ответил я после секундной паузы.
- Тогда прошу к доске.

Я не двинулся с места. В моей голове закопошились мысли одна хуже другой. Если я не смогу ответить на вопрос, буду выглядеть идиотом. Если смогу – ботаном. Не выйти к доске – опять влепят двойку.

Пауза угрожающе затягивалась. Пришлось решаться. Я встал и молча поплелся к доске. Корнилова ехидно усмехнулась, когда я протискивался мимо спинки ее стула.

– Итак, Чаадаев, расскажи, что ты знаешь об искусстве? – спросила учительница, когда я, чувствуя себя голым, встал у доски под взглядами всего класса.

Я попытался выпрямиться, чтобы придать себе больше уверенности, но вопрос учительницы, словно молотком грохнув меня по голове, заставил съежиться.

– Что именно надо рассказать? – спросил я.

– Все, что знаешь. Все, что думаешь по этому поводу. Что ты будешь в эссе писать?

У меня было много мыслей, но я не знал, какие из них, по ее мнению, правильные. А еще – это были мои мысли, только мои, мое мнение, и я не хотел им ни с кем делиться...

– Ну давай, формы и виды искусства, функции, теории возникновения – рассказывай все, что мы проходили.

Я не знал, что мы проходили. Я знал только то, что искусство – это единственная штука, отличающая нас от животных, что пару раз в неделю я сажусь за компьютер, открываю пиратский Word и пишу свой блог/дневник – ведь это тоже, в какой-то мере, искусство, разве нет?

Конечно, я ничего этого не сказал. Я мучительно пытался вспомнить, что было написано в учебнике. Я что-то бубнил, упершись взглядом в пол, и изредка поднимал глаза на класс, – убедиться, что никто надо мной не смеется. Всем было пофиг. Всем, кроме Корниловой. Она смотрела на меня и улыбалась ядовитой змеиной улыбкой. Учительница что-то подсказывала, я повторял, потом она, тяжело вздохнув, сказала:

– Садись, Чаадаев. Позоришь такую славную фамилию.

Она поставила мне три – все лучше, чем двойка. Только оказавшись за партой, я облегченно выдохнул. По пути на свое место, я типа нечаянно задел стул Корниловой. Она вздрогнула от неожиданности. Такая маленькая, но приятная месть.

В последнее время на большой перемене я стал ходить вместе с одноклассниками в столовую. На нормальный обед денег не всегда хватало, поэтому иногда я прикидывался, будто не очень голоден и покупал булочку или сосиску в тесте. Мои одноклассники болтали о разных вещах: о фильмах, машинах, комиксах, политических событиях в стране, но чаще всего, конечно, об уроках. По утрам мы здоровались друг с другом. После уроков – прощались. Иногда в столовой я поддерживал разговор, но чаще – погружался глубоко в свои мысли, и их слова долетали до меня приглушенно, будто сквозь тонны воды.

Сегодня я не пошел в столовую. После звонка на перемене

ну учительница по обществознанию попросила меня подойти к ней для серьезного разговора. Она не участвовала в родительском собрании – ее не было среди тех пираний, что набросились на мою мать в прошлую среду – и я подумал, что она хочет отыграться на мне сейчас. Я ошибся.

Я сел перед ней на первую парту. Класс опустел. Твердым решительным голосом, но без упрека, с каким обычно учителя разговаривают с учениками, она сказала:

– Кирилл, спрятаться в своем мирке и не вылезать из него – это удобная стратегия, но если хочешь чего-то добиться, тебе придется выползти из своего панциря.

Возможно, она говорила немного другими словами, но я услышал именно это. Еще она сказала, что сможет научить меня, только если я сам захочу.

– Потому что если нет, то хоть лбом об стену расшибись, ничего не получится, – сказала она и задала мне до следующей недели написать эссе на тему: «Нас формируют те поступки, которые мы совершаем».

Потом я отправился в следующий кабинет. Прошла уже большая часть перемены, и идти в столовую не имело смысла. Через десять минут должна была начаться Литература. Я открыл дверь. Кабинет пустовал – только две красавицы: Саша Бондаренко и Оля Куц стояли у учительского стола, загораживая его своими тонкими талиями. Они встрепнулись, когда я зашел, но увидев меня, расслабились.

– Не пугай так! – воскликнула Саша.

Я застыл на месте, не в силах пошевелиться и отвести от них взгляда. Казалось, две очаровательные нимфы сошли со страниц древнегреческих мифов. Длинноногая стройная Оля тянулась через весь учительский стол – джинсы плотно обтягивали ее бедра. Саша запустила руку в волосы, слегка их взъерошив. От этого жеста я чуть не рухнул в обморок – настолько обворожительна она была.

– Что вы делаете? – спросил я.

Во рту пересохло. Саша стрельнула острыми глазками, заговорщицки улыбнулась и прищурившись, сказала:

– Не сдашь нас?

Они пытались выкрасть листик с вопросами по предстоящей контрольной. Волна уверенности нахлынула на меня – захлестнула меня с головой – даже дышать стало сложно. Классная комната поплыла куда-то вдаль – я больше не контролировал свои действия. Бросив Оле «постой на стреме», я перепрыгнул через учительский стол и вскрыл нижний ящик. Там хранились все материалы для урока. Я знал это, потому что сидел за первой партой. Пока Оля, дрожа всем телом от страха и шепча «скорее-скорее», следила за коридором сквозь дверную щель, Саша фотографировала ответы на айфон. Адреналин бил в голову – сердце бешеными толчкам разгоняло кровь по венам. Сашины глаза с огромными от страха зрачками маячили совсем близко. В них можно было утонуть.

– Идет! – взвизгнула Оля.

Молниеносным движением руки я выхватил у Саши листки бумаги, сунул их обратно в шкафчик и едва успел перемахнуть через учительский стол прямо за свою парту, когда в дверях показалась учительница. Она ничего не заметила.

Оля исчезла в коридоре – ей требовалось прийти в себя после пережитого стресса. Саша уселась прямо на мою парту, болтая ногами как ни в чем не бывало.

– Неплохо сработались, – сказала она и засмеялась.

– Да уж... – выдавил я

Я задыхался, будто после марафона. Будто это я, а не Филиппид пробежал тридцать километров, чтобы возвестить о победе. В каком-то смысле так и было...

– Чуть не спалились, – шепнула на ухо Саша.

В носу защекотало от густого сладкого запаха ее духов. Голова закружилась. Стыдно признаться, но в штанах вдруг стало тесно. Саша вновь засмеялась – звонко, переливисто, и звук ее голоса будто пробежал по классу – до стены и обратно. Ее золотистые волосы падали на плечи, а улыбка срывалась с тонких розовых губ.

– Так что, – сказала она, сидя на парте и продолжая болтать ногами, – куда тебе скинуть фотки?

– Какие фотки? – не понял я.

Она опять засмеялась, и я чуть было не закрыл глаза, чтобы полностью отдаться этому пьянящему звуку.

– Ну не мои же!

Она снова наклонилась. Ее волосы покачнулись в милли-

метре от моего лица. Я перестал дышать.

– Ответы на контрольную тебе нужны? – тихо, чтобы не услышала учительница, сказала она.

– Да... Да... Конечно... – пробормотал я, все еще ничего не понимая.

– Тогда давай свой номер телефона. Я пришлю в Вотсап или в телегу. Ты ведь сидишь в Телеграме?

Тут к нам подошла Корнилова. Она недовольно поставила сумку на стул. Саше пришлось слезть с парты – она сидела на месте Корниловой. Я продиктовал свой номер. Она, еще раз засмеявшись, ушла, а я мысленно проклял судьбу за то, что со мной за партой сидела не Саша, а Корнилова.

Пол-урока мы переписывались в Вотсапе. Точнее, она присылала фотку с ответами, я благодарил; потом она присылала фотку с ответами на второй вариант – я снова отвечал «спасибо»; и так же с третьим. Четвертый вариант она сфотографировать не успела, а, по закону подлости, именно он мне и попался, когда мы писали контрольную на втором уроке.

Оставшуюся половину первого урока я залипал на страничке Саши в ВК. Я никак не мог решиться нажать на кнопку «Добавить в друзья». Корнилова, кажется, заметила это. Весь урок она демонстративно отодвигалась. Я решил отправить заявку в друзья Саши только вечером, когда пришел домой и перед тем, как сел за уроки.

Кстати, она только что ее приняла...

14 ноября 2019. Четверг

Сегодня случилось чудо! Боги, кем бы они ни были, вняли моим отчаянным молитвам. Видимо, не в силах больше смотреть на мои мучения, проведенные за одной партой с Корниловой, они сжалились – они пересадили меня.

Конечно, на самом деле меня пересадил классный руководитель, и не просто так, а после неприятного инцидента, который случился сегодня днем. Шел урок английского языка – разбирали странную грамматику – все эти do, did, done, презент перфект и прочая херь – надо было исправить ошибки в тексте. Я, как обычно в таких случаях, бессмысленным тупым взглядом пялился в незнакомый чужой текст. Я размышлял о том, что пока не могу прочесть его, пока зашифрованный за маленькими латинскими буквами смысл скрывается от меня, это все равно, что неразборчивые уличные каракули на стенах домов – просто изображение. То есть не текст, а обыкновенная картинка...

Мои высокоинтеллектуальные размышления прервал произнесший мою фамилию голос учительницы. Она хотела, чтобы я рассказал всему классу, как исправил грамматические ошибки в тексте, а заодно и перевел его. Ее желания и мои возможности, к сожалению, не совпадали. Я почувствовал, как голова налилась свинцом, кожу на лбу стянуло от напряжения, будто я пытался не текст перевести, а

выдавить из себя недельный запор. В наступившей тишине – а все как назло заткнулись, повтягивали головы в плечи и про себя молились, чтобы учительница промучила меня как можно дольше – я мычал что-то нечленораздельно. Мычал как умственно отсталый, как Паша Рулевой – есть у нас в городе такой парень: он всегда ходит с рулем от машины, и, если ему сказать, что у него лопнула шина, он задирает одну ногу, хлопает по ботинку и едет на своем невидимом автомобиле дальше...

– Ну переводи, чего же ты, – сказала учительница.

К мычанию добавилось кряхтение, кудахтанье, как в курятнике, и какие-то шипяще-свистящие звуки, будто я внезапно заговорил на парсултанге. Незаметно я толкнул локтем Корнилову. Она никак не отреагировала. Я знал – она все уже сделала: и текст перевела, и ошибки исправила, и ей ничего не стоило подсказать мне – она же видит, как я мучаюсь. Я толкнул еще раз. Она с громким скрипом отодвинулась на стуле. Тогда я попытался заглянуть в ее рабочую тетрадь, чтобы подсмотреть, где в тексте допущены ошибки, и как их исправить. И тут она прикрыла тетрадь ладонью.

Меня чуть не разорвало – такая злость взяла. Казалось, глаза выскочат из орбит – хотелось вскочить и разгромить весь класс к херам собачьим. Больших трудов мне стоило сохранить спокойствие. Ну разве так сложно просто подсказать?! Что ей от этого сделается? Как будто за маленькую помощь мне ее отправят в ад!

Изо всех сил стараясь не сорваться, удержать голос в нормальном диапазоне – не дать петуха и не завизжать, как маленькая девочка – я сказал учительнице, что не могу перевести текст.

– Ничего, я помогу, – добродушно прощепетала она.

Кое-как, кряхтя и рыча на каждом слове, совместными с учительницей силами мы перевели абзац, разобрали грамматические ошибки, и карающий перст учительницы отвернулся от меня в поиске следующей жертвы. Я до конца урока сидел как на углях, как закипающий чайник. В голове крутилась только одна мысль: «Вот же сука!»

Я молчал, но, когда урок закончился, я ей выложил все, что думал. Точнее, я уже ничего не думал – меня прорвало грязным потоком оскорблений, как канализационную трубу в школьном туалете. Из горла лились упреки и ругательства. Корнилова сначала огрызалась в ответ, но меня было не перекричать. Тогда она заперлась в туалете и проплакала там всю перемену. Другие девочки из класса – ее подруги Арина Агабян, Лена Кулик и Ира Ермакова – ходили успокаивать ее. Теперь они все вчетвером смотрят на меня, как на чудовище. Даже Саша написала в Ватсап: «С Аней ты, конечно, зежестил сегодня».

Наверное, я действительно перегнул палку, но ведь и она не права. Или я чего-то не понимаю? Теперь вот буду сидеть за второй партой на третьем ряду вместе с Димой Родиным.

17 ноября 2019. Воскресенье

Конец недели по обыкновению принес выходные. Ветер нещадно трепал куртки – хотелось поскорее спрятаться в помещении, в непродуваемых четырех стенах. Голые деревья искореженными пальцами-ветками дрожали в холодном воздухе.

Авдей предложил пойти в «Мидас» или в «Смартбет», где мы не бывали с лета. Там после летних подработок мы спустили деньги на собачьих бегах. Работали летом кто где. Авдей ездил к двоюродному брату в Ставрополь и вместе с ним продавал квас. Я ходил по утрам на поля, где в сорокоградусную жару, загнувшись раком и ежесекундно вытирая пот со лба, собирал с кустов красные с кулак помидоры. Одно ведро – пятнадцать рублей в начале сезона, двенадцать – в середине и десять – в конце. Часам к трем пополудни голова от жары кружилась, как от вертолетов после «Отвертки» во время отходняка; во рту плавилась пески Сахары; глотка иссыхала, как Аральское море. Бригадир, сжалившись, приносил полторалитровую бутылку воды, и я, дождавшись своей очереди, когда оставалось уже на дне, хватал ее грязными пальцами с черными от налипшей земли ногтями, как спасительный круг, как последний источник жизни, и жадно большими глотками, давясь и откашливаясь, втягивал в себя ее содержимое, чтобы открыть второе дыхание, чтобы зарядиться

силами, и снова идти в поле.

Вечером, уставший и голодный, я возвращался домой, падал на кровать и засыпал глубоким сном без сновидений. Друзья разъезжались, и гулять было не с кем. Игоря уносили куда-то из города сборы, тренировочные лагеря и соревнования. Тарас уезжал на моря в Испанию, Италию, Черногорию – ему не надо было работать, у него и так были деньги. Один Сева сидел дома. Иногда мы вдвоем выползали из тесных душных квартир, чтобы побродить по набережной Кубани, посидеть у озера или пошататься по городу, но чаще я не мог найти в себе силы оторвать лицо от подушки.

Во второй половине августа, ближе к школе, все возвращались. Тогда я бросал работу, собирал все полученные деньги, половину тратил на книги, вторую – пропивал и проигрывал на собачьих бегах. Конец лета всегда было чертовски веселое время.

Вот и на этих выходных вспомнили про «Смартбет» – букмекерскую контору, где на стене висела большая плазма, и по ней каждые пять минут крутили очередной собачий забег. Денег ни у кого, кроме Тараса, конечно, не было. Он упрямился.

– Да че ты ноешь, – сказал ему Авдей.

– Мне еще пару подходов надо, – ответил Тарас.

Тогда мы пошли на брусня за футбольным полем возле старой школы. Тарас мечтал накачаться. По утрам он пил сырые яйца, жрал только куриную грудинку и вообще питался

одним белком – он думал, это поможет нарастить мышцы. Причем он отжимался много: на турнике – раз пятнадцать за подход; на брусьях – пятьдесят, но мышцы не росли, и Тарас от этого постоянно бесился. Особенно он выходил из себя, когда мы его дразнили. Стоило сказать что-то типа Тарас Плоскогрудый, как иногда делал Авдей, и Тарас выходил из себя.

Мы втроем зависали на брусьях – ждали Севу. Игорь сказал, что не придет – он выгуливал свою девушку. Нам он ее почему-то не показывал – никто из нас ни разу в живую ее не видел – только на фотографии со страницы ВК, хотя они встречались уже пару лет. Иногда в отсутствие Игоря мы шутили, что никакой девушки на самом деле нет – он просто хорошо проводит время со своей правой рукой. Но на самом деле кого-кого, а Игоря заподозрить во вранье причин не было. Так мог бы сделать Сева, или Тарас, или даже Авдей (хотя вряд ли), но только не Игорь. Видимо, его нежелание знакомить ее с нами было от того, что он четко разделяет друзей и личную жизнь. А может, просто оберегает ее от нас?

Я сидел на перекладине в конце «змейки». Авдей бросал мелкие камешки в стеклянные бутылки в кустах. Тарас отжимался на брусьях. Внезапно я чуть не грохнулся на землю, когда увидел, как мимо нас с пухленькой черноволосой подружкой шла Корнилова. Корнилова собственной персоной! Не знаю, отчего я так удивился. Я просто никак не ожидал увидеть ее там. Казалось немыслимым, чтобы Корнилова хо-

дила по тем же тропинкам, что и я.

Но еще больше меня поразило – я прямо прирос жопой к перекладине – когда Тарас, спрыгнув на землю, начал болтать с ней. Она, мимолетно скользнув по мне взглядом, как по лишнему раздражающему предмету интерьера, ответила Тарасу:

– О, привет!

Они болтали минут пять. Подруга Корниловой застенчиво топталась на месте. Авдей, падкий на девушек, включился в разговор. Сама Корнилова... Черт, она заигрывала с ними, что ли?! Не знаю – я не понял, но ее большие глаза стреляли то на одного, то на другого. Я не мог в это поверить. Казалось, будто меня окунули в абсурдный и бессмысленный сон, в котором все перевернулось с ног на голову.

Потом Корнилова с подругой ушли, а я набросился на Тараса:

– Откуда ты ее знаешь?!

– Она живет недалеко от нашего коттеджа. В детстве вместе ходили в детсад, – невозмутимо ответил Тарас, запрыгивая обратно на брусья. – А ты что так возбудился? Понравилась?

Я только фыркнул в ответ. Мне почему-то вспомнилось, как в девятом классе мы разгромили комнату для уроков труда. Трудовик вышел куда-то на полчаса, а когда вернулся, обнаружил класс в полной разрухе: перевернутые парты валялись в беспорядке по всей аудитории, сорванная доска

блокировала вход, пару стульев торчало из форточек. Трудовик постоял некоторое время, молча обзревая поле брани, выгнал нас, запер класс и побежал жаловаться руководству школы. Через пять минут мы впятером уже стояли в кабинете директрисы. Нам сказали искать новые школы. Тарасу угрожали отцом. (Его отец числится среди попечителей). Тот разрыдался как маленькая девочка. Умолял не рассказывать ничего отцу, обещал, что исправится, клялся, что это не он громил класс, что он вообще стоял в сторонке и чуть ли не отговаривал нас. Мне тогда почему-то стало стыдно за него и одновременно противно. Потом эта история разрешилась сама собой – ее спустили на тормозах. Урок труда заменили на русский язык. Вместо того, чтобы клепать деревянные стулья и вытачивать скалки, мы стали «углубленно» изучать пунктуацию в бессоюзных сложных предложениях – я был только за такие перемены.

Потом мы дождались Севу и вернулись в «Смартбет», но денег не было, а Тарас свои тратить отказался, и мы просто глазели, как другие люди делали ставки на собак.

А еще сегодня звонил Костя. Его забирают в армию. Проводы на следующей неделе.

20 ноября 2019. Среда

Вчера состоялись проводы Кости. Печальное зрелище. Я проводил его до самых дверей военкомата, был с ним до семи утра, дрожа от холода, стоял перед воротами и ждал, когда выедет автобус, в окне мелькнет лицо Кости – он махнет на прощание, и мы расстанемся, может быть, навсегда. Он несколько раз говорил мне:

– Да что ты будешь там стоять? Тебе потом в школу. Иди домой. Выспись.

Но я не уходил. Я чувствовал, что должен проводить его – я должен отдать дань уважения нашей некогда тесной дружбе. Год мы с ним не увидимся, а когда он вернётся, я уже закончу школу, и где я буду, кем я буду – не знаю – надеюсь, не здесь, не в этом городе, совсем в другой жизни, а он вернется именно в эту, которую я видел вчера у него на проводах...

Он позвал почти всех парней с района и несколько девушек, среди которых была и его вторая половина. Я пришел к нему в восемь вечера – уже стемнело, и во дворе частного дома на оплетающем беседку винограднике висели зажженные фонари. Он с родителями жил в старом, построенном лет пятьдесят назад доме с деревенским туалетом за сараем. Дом ставил еще дед. Строил для себя, на совесть, на века. Он же посадил виноград, которым мы в детстве объедались так, что зубы сводило от кислоты.

За накрытым в доме длинным столом к моему приходу уже сидела половина района. Я знал здесь всех: с кем-то учился в первой школе, с кем-то ходил в детский сад, с кем-то проводил лучшие дни своего беззаботного детства, с кем-то – худшие... Меня заставили выпить штрафную – стакан водки за опоздание. Я отбивался как мог, но они насели толпой и, казалось, откажись я выпить, надо мной устроят суд Линча. Путем дипломатических переговоров я скостил себе штраф до одной рюмки.

Когда-то давно, когда нам было по тринадцать-четырнадцать, мы вместе с Костей и Лешей (с Лешей я дружил с детского сада) впервые пробовали спиртное, сигареты, траву и разное другое... Тогда, я помню, мы договаривались, что никогда не будем пить водку. Тогда казалось, стоит на нее согласиться и всё – тебя можно списывать со склада, вне очереди заносить в касту алкашей. Это негласное правило перекачивало со мной в новую компанию с Авдеем, Севой, Игорем и Тарасом, а вот Костя от него отрекся. Нет, алкашом он не стал, но... общаться мы почему-то перестали.

Костя сидел во главе стола. По правую руку – его четырнадцатилетняя девушка. Я долгое время сидел молча, слушал тупые, бессмысленные, состоящие из одних матов разговоры вокруг себя. Потом ко мне подсел Леня Безруких – пусть и не близко, но все же я с ним тоже когда-то общался – он слегка картавым, заплетающимся от выпитого, языком спросил:

– Говорят, ты избегаешь наших пацанов с района?

Что я мог ему ответить? Сказать честно: «Да, не хочу иметь к вам никакого отношения». Так, что ли?

– Нет. Просто в последнее время как-то мало пересекаемся, – сказал я и понял, что надо напиться, иначе я не найду с ними общего языка.

Я пошел искать что-нибудь из алкогольного кроме водки, но это оказалось нелегко. Повсюду над столом торчали синие крышечки бутылок на узких, как девичья талия, горлышках. Где-то я раздобыл пива и, наконец, добрался до виновника мероприятия.

Костя смеялся с остальными, как и все, метал стаканы на стол, не слишком активно опрокидывал рюмки и все жался к своей малолетней избраннице. Я сел рядом на освободившийся стул. Некоторое время мы молчали. Как в фильме невидимая камера будто выхватила нас из толпы, звуки за кадром исчезли, и крупным планом показывали наши угрюмые лица.

– Лешу не звал? – спросил я.

– Не смог дозвониться, – ответил он.

Мы выпили, поговорили ни о чем, подошел пьяный темнолицый цыган Вадим Пятницкий – с ним я знаком плохо – он схватил Костю за шею, повис на нем и, не переставая, повторял одно и то же:

– Костя! Костян в армию уходит. Костя! Костян в армейку идет.

На самом деле он говорил не так. Я слегка подшлифовал его речь, убрал перенасыщенность специфическими словами без смысловой нагрузки. На самом деле он сказал примерно так:

– Костя, блять! Костян, на хуй, в армейку хуярит, сука! Костя, пиздец! Костян, ебаны в рот, в армейку съебывает, блять!

Потом он понизил голос и тихо спросил:

– Есть че?

– Что? – переспросил Костя.

– Почитать че!

Я ушел на другой конец стола. Оттуда я видел, как разочарованный Вадим вышел из дома. Мама Кости хлопотала на кухне, приносила закуски. Отец – бухал вместе со всеми. Потом поочередно стали вываливаться на улицу – покурить. Вышел и я проветриться. В толпе, среди подсвеченных фонарями лиц, мелькнул Илья Горный – крайне неприятный тип. «И он здесь», – подумал я, ощущая подступающий приступ тошноты. Было у меня с ним пару неприятных историй, о которых не очень хочется вспоминать.

Неожиданно словно отовсюду разом поднялся гомон.

– Уебу сука! – заорал кто-то.

– Давай! Хули ты ждешь?! – прокричали в ответ.

Расплывчатые силуэты замельтешили в тусклых лучах света. Подошвы ботинок заскрежетали об асфальт. Послышался треск разрываемой ткани. Блеснуло острое. Кто-то

вскрикнул.

– Уебок!

– Пиздите его – чего встали?

Тишина вернулась также внезапно, как исчезла мгновением ранее. Через пять минут все снова сидели за столом в доме. На пыльном асфальте осталось несколько черных капель крови. Леня размахивал перебинтованной рукой. Вадим поправлял разорванную на спине рубашку. В двенадцать я написал маме в Востап: «Все ок», – ушел в другую комнату и, несмотря на дикий ор и пьяный гогот, завалился спать на жестком неудобном кресле.

Провожать Костю до военкомата поехали я, его девушка, лучший друг, имя которого я не знал, но слышал, как все завали его Пушкиным за роскошную кудрявую шевелюру, и Костина мама. Утро выдалось холодным. Кожу скребли острые коготки позднеосеннего мороза. Костина девушка дрожала – Пушкин обнимал ее за плечи. Костина мама плакала. Когда из ворот выехал полный призывников автобус, и в окне мелькнуло бледное от страха лицо Кости, она, вытянув перед собой руки, сделала несколько нетвердых шагов вслед удаляющемуся автобусу, но тот мгновенно скрылся за поворотом.

– Не переживайте, тетя Люд, – сказал Пушкин. – Это всего лишь армия. Не тюрьма ведь.

Потом я отправился в школу, и там было тяжело. Смертельно хотелось спать. На усталость накладывалось ощущение

ние, будто я неделю купался в помоях, и теперь месяц нужно отмываться.

После уроков я как-то машинально прицепился к Диме с Бегуном – они шли домой, и нам было по пути. Они не возражали. Мы вместе дошли до остановки, где я залез в маршрутку, а они двинулись дальше. Дома я около часа стоял под душем.

Вместе с водой по канализационным трубам в далекий океан уносилась невидимая грязь.

22 ноября 2019. Пятница

Костины проводы, а вместе с ними и моя прошлая жизнь, не отпускают меня вот уже третий день. Вчера я ехал в школу вместе с Леней. Сегодня наткнулся на Илью Горного. Леня предлагал пересечься на выходных. Я неопределенно кивал, отвечая типа «да, надо как-нибудь собраться, пообщаться, вспомнить былое» и все в этом же духе.

– У меня есть хорошая пятка, – подмигнул он.

– Да-да, – покивал я. – Надо будет попробовать как-нибудь выбраться...

Сам я думал, что он забудет о нашем разговоре, как только выйдет из автобуса, поэтому можно не париться. Кроме как необходимости отговориться, встреча с Леней не несла никаких неприятностей, в отличие от Ильи Горного...

Уроки в школе на этой неделе текли обыденным ритмом. Сидеть за одной партой с Димой куда как приятней, чем с Корниловой. Приятней не в эстетическом смысле – Корнилова все же девочка, и к тому же, скрепя сердце признаю, довольно симпатичная, но с отвратительным характером, как у бегемотихи во время течки. Приятней в смысле комфорта. Дима не выпендривается на английском. На переменах (да и на уроках) с ним можно перекинуться парой слов. И еще он не ведет себя как сука – не закрывает тетрадь, когда я списываю.

Дима живет в паре кварталов от школы недалеко от Авдея и в одном доме с Виталиком Судаковым. Как-то само собой сложилось, что после школы, не сговариваясь, мы с Димой и Виталиком дожидаемся друг друга и, вяло беседуя, идем к автобусной остановке через дворы за школой мимо заплеванного грязного подъезда на углу улицы. Его еще называют «пьяный угол» – мы с Авдеем, Севой и Тарасом сами нередко выпивали там на лавочках, а менты, зная, что это излюбленное место подростков, частенько наведываются туда, чтобы кого-нибудь загрести.

Потом мы идем мимо ларьков, где продают алкоголь без паспорта, мимо неработающих светофоров по пешеходному переходу, мимо больницы и роддома, где работает мама, мимо ДК им. Горького, мимо очереди общежитий на автобусную остановку у магазина «Подсолнух».

Дима сегодня свалил куда-то заранее, еще на предпоследнем уроке. Мы с Виталиком шли вдвоем, подходили к «пьяному углу». Виталик по обыкновению смотрел под ноги, я – по сторонам. Илью я заметил заранее, издалека. Он курил у подъезда. Я решил не здороваться – вообще не обращать на него внимания, но не прокатило. Он поднялся с лавочки и направился наперерез к нам. Будет отбирать деньги, понял я и крепко сжал мелочь в карманах, чтобы не зазвенела. Виталик поднял голову и встал на месте как вкопанный.

– Ты чего? – спросил я.

Он не ответил. Его будто парализовало. Илья остановил-

ся у нас на пути. Наши взгляды пересеклись. Его холодные безжизненно серые глаза будто заволокла мутная целлофановая пленка, не пропускающая ни тепла, ни света.

– Деньги есть? – спросил он хриплым прокуренным голосом.

– Нет, – ответил я.

Он пробежался по мне взглядом, остановился на карманах, где я в кулаках сжимал мелочь. Там было не больше пятнадцати рублей, но дело не в количестве – стоит мне хоть раз отдать ему деньги, и он будет доить меня всю жизнь.

– А у тебя? – обратился он к Виталику.

Того была крупная дрожь. Его длинные ноги, казалось, сейчас подогнутся, и он рухнет на пол. Лицо тряслось, а в расширенных зрачках стоял ужас. Я смотрел на Виталика и не верил глазам. Он на полторы головы выше Ильи, шире в плечах и крепче телосложением, но боялся так, словно вместо Давида вышел к Голиафу. И я понимал, почему...

Илья Горный – главная мразь на районе, а может, и во всем городе: у него нет ни страха, ни жалости, ни мозгов. Меня угораздило познакомиться с ним в детстве, когда мы все еще были «чисты и наивны» – все, кроме Ильи. Мы с Лешей играли в пожарников на озере недалеко от дома бабушки с бабушкой. Нам было восемь, и мы резвились на летних каникулах, как сорвавшиеся с привязи барашки. Мы поджигали камыши у самого берега, а потом тушили – выигрывал тот, кто дольше дотерпит, чтобы не начать тушить. По-

том появился Илья – чумазый, нестриженный, в оборванных лохмотьях – он попросился играть с нами, и мы его приняли, но игра ему не понравилась.

– Вы играете не по-настоящему, – заявил он.

– А как надо? – спросил я.

Я тогда еще не знал, как сильно потом буду жалеть о своем вопросе. Илья сбегал домой и вернулся с бутылкой керосина. Неподалеку на привязи пасся теленок. Илья плеснул керосин ему на бок. Привыкший к детям теленок, ни о чем не подозревая, продолжал размеренно жевать траву.

– Дай спички, – попросил Илья.

– Не дам, – ответил я.

– Тогда ты дай, – сказал он Леше.

– У меня нету.

Леша пятился назад, готовый броситься бежать. Илья попытался отобрать у меня спички. Я сопротивлялся.

– Я все равно его подожгу, – сказал он и убежал.

Пока его не было, я пытался отпустить теленка. Завязанный намертво узел не поддавался. Позвать кого-нибудь из взрослых мне не пришло в голову. Илья вернулся с зажигалкой. Я просил его оставить теленка в покое. Он не послушал. Щелкнуло колесико. Кремний высек искру. Голубой язык пламени лизнул теленка за бок. Тот отчаянно заревел. С выпученными глазами бросился в озеро. Илья засмеялся.

Несколько дней подряд мне снился этот голубой язык, а Илью я еще долго боялся больше смерти. У него вообще бы-

ла нездоровая тяга к огню. Через несколько лет он подожет наш с Костей шалаш. Только благодаря тонким стенкам мы смогли выбраться до того, как огонь охватил все сооружение. А месяцев девять назад мы с ним сцепились в драке.

Мы с Костей, Леней и Ильей сидели на лавочке возле общежития, где когда-то жил тот самый больной мальчик, которого мы нещадно дразнили. Меня тогда только выпустили из-под «домашнего ареста», и я пытался обратно влиться в старую тусовку – не понимал, что дважды в одну реку не войти (и хорошо, что не войти). Илья держал в руках бутылку с бензином – периодически он подносил ее ко рту и делал из нее несколько вдохов. Потом он, видимо, заскучал. Я упустил момент, когда он скрылся из виду – только почувствовал, как майка на спине становится мокрой – эта мразь стояла за мной и потихоньку по капле выливала бутылку бензина мне за шиворот.

Не раздумывая я вскочил на ноги. Здание общаги неожиданно пошатнулось. В ушах зазвенело. На секунду у меня будто выключили свет. Я обернулся к Илье и с удивлением отметил, что он сжимает кулаки, а бутылка бензина валяется под ногами. Он врезал мне в челюсть, понял я. Боли не ощущалось – только легкое почти мгновенно прошедшее головокружение. Я хотел ударить его в ответ, но из окна второго этажа какая-то старуха закричала:

– Эй, драчуны! Идите на пустырь. Нечего здесь кулаками махать. Тут дети.

И мы пошли на пустырь. В голове у меня гудел ветер. Под ногами я искал пару овальных камешков – по одному в каждый кулак. Дойдя до пустыря, мы встали друг против друга на расстоянии нескольких шагов. Костя куда-то исчез. Леня курил сигарету. В ушах завывал ураган. Адреналин хлестал через край. Волоски на коже слегка покалывало, как от электрического напряжения. Тело бил легкий озноб.

Я понял, что удар кулаком у него не поставлен, иначе у общаги я бы так легко не отделался. И еще я понимал: ни в коем случае нельзя падать – ногами, камнями, кулаками – всем чем сможет, он забьет меня до смерти.

Словно в птичьем танце двух дерущихся за самку попугаев, мы пару минут кружились по длинной дуге. Неуклюже он попытался достать меня ногой. Я просто отошел в сторону. Он попытался ударить второй раз. Я увернулся снова. И запал как-то сразу угас. Он опустил руки. Я – тоже. Мы разошлись.

До сегодняшнего дня Илья ко мне больше не подходил.

– Деньги есть? – спросил Илья у Виталика.

Тот дрожащей рукой вытащил из кармана смятую сторублевую купюру.

– Еще есть?

– Н-нет, – ответил Виталик, поджав губы.

– А если найду?

Виталик принялся выворачивать карманы. Илья немного подождал, убедился, что карманы пусты и прошипел:

– Пошел отсюда.

Виталик подобно загипнотизированному кролику перед удавом замер, не в силах двинуться с места.

– Бегом! – прикрикнул Илья.

Виталик, глядя в никуда, нетвердыми шагами пошел вперед.

– Бегом, я сказал! – закричал Илья.

Виталик побежал. Портфель, раскачиваясь, бил по спине, будто наездник, подгоняющий лошадь. Я смотрел ему вслед и думал, что не зря дал ему прозвище Бегун – от этой мысли мне стало одновременно и смешно, и стыдно.

– Ты домой? – спросил Илья.

– Да.

Нам оказалось по пути, и мы вместе двинулись к остановке. Возле ларьков мы остановились. Я подождал Илью снаружи – он купил сигареты. На светофоре метрах в пятидесяти ждал зеленого цвета Виталик. Илья вышел из ларька, как раз когда Виталик перешел дорогу и светофор снова показывал красный. Мы подошли к пешеходному переходу. Остановились.

– Этот долбаеб на меня заяву накатал, – пожаловался Илья.

– За что?

– Я ему уебал пару раз. Всего-то. Прикинь? Заяву, блять!

Я ничего не ответил. В автобусе ехали молча. На своей остановке я вылез. Он поехал дальше. Только тогда я облег-

ченно выдохнул и разжал в кармане кулак с монетками.

23 ноября 2019. Суббота

Ночью спал плохо – снился тот теленок, которого поджег Илья. Только во сне он бросился не в озеро, а бежал прямо по дорожке от школы к «пьяному углу». На светофоре он обернулся, и я увидел не теленка, а Виталика Судакова.

Проснулся около четырех утра. Во рту ощущался отвратительный привкус гари. Около получаса я провел перед окном, вглядываясь в черные кроны возвышавшихся над домами тополей. Со стороны, наверное, выглядело, будто в меня вселился демон, как в фильмах ужасов, когда человек – обычно женщина – стоит какое-то время перед кроватью или у окна и бездумно пустым взглядом пялится перед собой. От этой мысли я вздрогнул. В голову полезли всякие образы из ужастиков: девочка с длинными черными волосами в белой ночнушке, монашка с изуродованным лицом, девушка-призрак с выпученными глазами и ломаной походкой и бледный шестилетний ребенок с большими черными глазами. Я вернулся в кровать и, как маленький пугливый ребенок, накрылся одеялом с головой. Вспомнилось, как в детстве после кошмаров мама говорила: «Если приснился страшный сон, ты просто посмотри в окно и скажи: куда ночь, туда и сон». Я пробормотал «заклинание» и вдруг рассмеялся – как же глупо!

Необъяснимый страх прошел, но заснуть я не мог еще

долго. В голове крутились мысли о друзьях, школе, одноклассниках; засыпая, я почему-то подумал о Саше Бондаренко – я прокручивал в голове ее голос, смех и улыбку. Потом заснул тяжелым беспокойным сном. Под утро мне стало сниться, будто я снова попал на проводы, только теперь те же люди провожали в армию меня, и Вадим постоянно спрашивал: «Есть че?» – а Ленья, каждый раз возникая из ниоткуда, отвечал: «Есть пятка». В конце концов, Вадим не выдержал, достал нож и со словами «Ахиллес никогда не догонит черепаху» всадил его Лене в пятку.

Из-за этих дурацких снов и из-за скопившегося за неделю недосыпа я весь день ходил хмурым. У меня собралось огромная куча домашки, которую мне нужно было сделать к понедельнику. Раньше я бы просто забил. «Подумаешь, какая-то гребаная домашка. Что они мне сделают – поставят двойку? Пфф... Да насрать!» – сказал бы я раньше, но сейчас что-то изменилось. Сейчас оттого, что она горой лежала несделанной, мне было беспокойно на душе. И все же я не мог за нее взяться: учебники валялись из рук, карандаш ломался в точилке, ручка ставила кляксы на листках бумаги. Меня тревожил вопрос: отчего мне вдруг стало не пофиг на учебу. Может, оттого, что я боюсь вылететь из школы; боюсь расстроить мать?

Я листал учебник по обществознанию – пытался подготовиться к понедельничному уроку, а во вторник меня ждало дополнительное занятие, куда я должен принести готовое эс-

се. Я пытался сосредоточиться. Буквы собирались в слова, слова превращались в текст, но смысл не доходил – таял в белом проеме между строк.

Ну хорошо, думал я. Вот список лифтов социальной мобильности: армия, религия, школа, политика, искусство, телевидение, брак – его надо тупо выучить и рассказать на уроке, но на дополнительных занятиях Наталья Алексеевна спросит: «В чем их смысл?», – и я опять буду мычать как баран. А на самом деле смысл их прост: все эти вещи должны из говна вынести тебя на вершину Олимпа. Или наоборот – втоптать мордой в грязь...

Тут завибрировал мобильник – звонил Авдей. Он уже писал утром в ВК, но мое настроение не располагало к переписке. Я поднял трубку – Авдей звал гулять. Я отказался, и он спросил:

– Почему нет?

Я задумался на мгновение – хотел соврать по привычке – сказать, что запрягли толкать телегу, убираться по дому, чистить навоз в Авгиевых конюшнях или, что более прозаично, предки не пускают, типа отчим включил хозяина дома (хотя он никогда так не делал). А потом передумал – в голову ничего не лезло, и я честно признался, что собираюсь учить уроки.

– Ты че, набухался уже? – спросил Авдей. – Какие уроки? Ты че несешь?

Я что-то мямлил в свое оправдание. Авдей слушал мою

неразборчивую речь, а потом выдал:

– Когда это ты ботаном заделался?

Я несколько секунд помолчал и бросил трубку. Потом я бесцельно побродил по комнате, попытался снова сесть за уроки – взял учебник на странице с идиотскими социальными лифтами. Определения показались мне надуманными, примеры – безнадежно устаревшими, но именно так я должен был заучить, именно это они хотят услышать от меня на экзамене. Аккуратно в синей рамочке в самом низу страницы учебник рассказывал, про Папу Римского, Юлия Цезаря и Ломоносова – как последний пешком шел из Архангельска в Москву.

Мне вспомнился разговор с матерью этой весной. Подходил к концу десятый класс. Она поймала меня, когда я пытался тихо улизнуть на вечеринку в честь окончания учебного года.

– Надо серьезно поговорить, – сказала она.

– Ну мам!

– Пока не поговорим, никуда не пойдешь.

Мы сели на кухне. Она заварила чай, и я понял: разговор будет долгим.

– Кирилл, – сказала она с таким серьезным лицом, будто собиралась толкать речь с сенатской трибуны, – что ты собираешься делать дальше?

Я не выдержал – прыснул от смеха, но тут же умолк, врезавшись в ее настойчивый взгляд, – испугался, вдруг она

обидится и не пустит меня на тусовку.

– Я ведь серьезно, Кирилл. Ты уже не маленький. Тебя никто не будет вечно таскать за ручку и говорить, что делать. Пора самому учиться принимать решения.

Я молчал и бездумно кивал. Этот диалог сильно походил на «мотивационные речи» отчима, которые он мне периодически втирал, когда раздавливал пару рюмок крепкого.

– Кирилл, чего ты хочешь от своей жизни?

Я открыл было рот, чтобы выдать что-нибудь остроумно-дерзкое и не смог. Я всерьез не задумывался над словами матери, а это был чертовски хороший вопрос.

– Кирилл, ты же понимаешь, что у нас нет возможности оплатить тебе университет. Тебе придется самостоятельно поступить на бюджет, если ты хочешь уехать из города.

А уехать из города хотели все. Авдей планировал перебраться к двоюродному брату в Ставрополь, Игорь рассчитывал на свои спортивные достижения, у родителей Тараса было достаточно денег, чтобы платить за любой универ, и только Сева, как и я, просто мечтал после школы куда-нибудь свалить...

Мы с матерью решили, что я перейду в Лицей. Несмотря на освободившееся место, меня брать не хотели. Твердили одно и то же: за год из обезьяны человека не вырастить – надо было приводить на пару лет раньше. (Формулировки, конечно, были другие, но смысл именно такой). Лицей считался самой сильной школой с лучшими показателями по горо-

ду. Они не хотели их портить. Тем не менее, мать с кем-то договорилась. Чудом я сдал входные экзамены – прошел по нижней планке. И вот теперь учусь здесь...

Снова загудел телефон – заерзал на краю стола. На том конце провода я вдруг зачем-то понадобился Севе. Я потянул вверх за зелененький значок с иконкой телефонной трубки. Из динамика донесся глухой голос Севы:

– Ты правда делаешь уроки?

На заднем фоне раздался лошадиный гогот Тараса. Я крикнул в телефон, чтобы они все шли в жопу.

– Да ладно. Чего ты психуешь, – пробормотал Сева, но нажатием клавиши «выкл» я отправил его в небытие.

Похоже, сегодня все было против меня, будто сама судьба подавала знаки не делать уроков. Я вышел на балкон проветрить мозги. Небо затянула монотонно серая простыня в заплатках из ржавых облаков. Голые деревья потряхивали кривыми спицами-ветками. Слева и чуть поодаль от балкона желтыми дредами свисали плети плакучей ивы. Они едва заметно покачивались, подталкиваемые всепроникающими ветрами. Она походила на впавшую в депрессию Гремучую Иву, которую в наказание за строптивость вырвали из Хогвартса и посадили здесь.

Вокруг нее бегали дети – соседский мальчишка и незнакомая девочка. В детстве и мы с Костей и Лешей прятались от прохожих в ее ветвях. И не только от прохожих. Летом ива стоит зеленая с густой шевелюрой так, что с нашего бал-

кона не видно, кого она скрывает. И я прятался там от матери, когда не хотел идти домой. Мама выходила на балкон, звала меня, а я сидел там тихо-тихо, типа меня нет во дворе. Она, конечно, понимала где я. На лавочке у подъезда в это время обычно дежурила соседка Зоя Алексеевна. Мать знаками, чтобы я не слышал, спрашивала у нее, там ли я – под ивой, и Зоя Алексеевна, смеясь, отвечала кивком, чтобы мать не переживала.

Вправо от подъезда за газовыми трубами одно время в земле был вырыт овраг. Там мы с Костей и Вадимом Пятницким играли, типа мы в окопе отбиваемся от вражеских полчищ. Леша тогда уехал к каким-то дальним родственникам, и к нам временно прибился Вадим, друзья которого тоже разъехались кто куда. Это было очень давно, когда мне едва исполнилось одиннадцать.

Мы с Вадимом не особо дружили, редко гуляли, но вместе ходили на карате. Потом наши пути надолго разошлись. Когда мы встретились в прошлый раз, за полгода до Костиных проводов, я едва узнал его.

Это было у Кости во дворе. Костя чинил недавно купленный, но старенький мопед. Я крутился возле него. После долгой разлуки я чувствовал себя неловко: я не знал, что делать, что говорить – пока я полтора года сидел дома, Костя сильно изменился, да и я, видимо, тоже – между нами ощущалась какая-то пропасть. Пришел черненький парень с запавшими глазами и стал колотиться в ворота. Мы с Костей подошли.

Он весь извивался, как змея, заламывал руки, почти стонал.

– Ну дай, – говорил он, – все знают, что у тебя есть.

– Не могу, – отвечал Костя.

У Кости за сараем сам собой (его официальная версия) вырос куст дикой конопли, и он, видимо, случайно проболтался. Он и мне его показывал. Высоченный, с человеческий рост, куст, казалось, источал аромат на всю улицу.

– Ну дай, всего несколько шишечек.

– Не могу. У меня батя каждый день их считает. Если я хоть одну оторву, он спалит.

– Ну дай, ну что тебе жалко, что ли.

Он падал на колени, он елозил лицом по земле и все выпрашивал дать ему «хотя бы одну шишечку». Около часа Костя прогонял его, пока он, весь в слезах, соплях и грязи, шатаясь, не увязался вслед за каким-то знакомым, у которого, по его словам, мог оказаться в запасе косяк. Когда он ушел, я спросил у Кости, кто это был, и с ужасом узнал, того самого Вадима, с которым в детстве мы играли в овраге возле дома.

Воспоминание о Вадиме нагнало еще больше тоски. Свежий воздух, задувающий из-за стекол балкона, не помог. Я понял, что мне срочно нужно сесть за компьютер, запустить word и вылить все содержимое моих мыслей на бумагу. Пусть черные закорючки букв впитают в себя эти чувства и воспоминания, чтобы потом с чистой головой я мог сесть за зубрежку учебников.

26 ноября 2019. Вторник

Оценки постепенно стали выправляться. Завуч сегодня дала понять, если так пойдет и дальше, риск вылететь из школы сойдет на нет.

– Скажем так, он уже меньше, но все еще есть, – заявила она, когда я зашел к ней в кабинет, чтобы подписать какие-то бессмысленные пустые бумажки, а заодно и спросил, собираются ли они меня выгнать.

Отметки определенно улучшились. По общаге, например, пошли одни четверки. История – только пятерки. Математика... ну по математике уже не все двойки, а только каждая четвертая. Правда, тут надо признать большую заслугу Дима – он не возражает, когда я списываю, не устраивает истерику, не закрывается ладонью или тетрадкой, как некоторые мои прежние соседи по парте. Более того, вчера он помог с особенно неприятной задачей. Я никак не мог решить типовой пример с логарифмами из ЕГЭ. Весь мозг сломал. Дима, видя, как я мучаюсь, предложил помочь. Он доступно в нескольких простых предложениях объяснил, как и что надо делать. Я был поражен, насколько это оказалось легко и понятно! И все же результаты пробных экзаменов, которыми нас тут пичкают чуть ли не каждую неделю, пока далеки от желаемых.

Дима оказался неплохим парнем. Он случайно в порыве

особого вдохновения во время обдумывания очередной задачи проболтался о своей «маленькой тайне». Обычно, погрузившись в любимую математику, он переставал замечать все вокруг: кроме ответа на задачу его ничего не интересовало. Он даже разговаривал сам с собой, как сумасшедший, спорил, ликовал, найдя выход из тупика, или злился, надолго застряв на одном месте. Сначала мне эта его особенность казалась странной – потом смешной, а со временем я и вообще привык – даже иногда неосознанно участвовал в диалоге. Он что-то бубнил под нос – я отвечал, и мы оба не задумывались, что несем – это могла быть абсолютная чушь в духе того, что кричат депутаты Государственной Думы с трибуны, или почти сознательные размышления о природе материи и магии числа «пи». Дима в прямом смысле ловил кайф, когда после долгой борьбы с числами, иксами и играми очередная нерешаемая с виду задача лежала перед ним нагая, расколотая, как ореховая скорлупа, с выпотрошенными внутренностями.

Сегодня, увлекшись уравнением, с которым я попросил помочь, он по привычке бормотал что-то под нос. До меня долетели слова «бутылка» и «пиво» – слух у меня на такие вещи чуткий. Я наострил уши. Дима бессознательно, едва разборчиво, проговаривал свои планы на вечер. А они были грандиозными! Он собирался прийти домой, сварить макароны с сосисками, открыть бутылочку пива и засесть за новый сборник олимпиадных задач.

– Подожди-подожди-подожди!!! – запротестовал я. – Ты серьезно?

– Что? – не понял Дима.

Он с трудом возвращался из своего мира уравнений в реальность людей.

– То есть ты серьезно пьешь пиво, пока решаешь математику?

Дима насупился и воровато огляделся.

– Тс-с-с. Чего ты кричишь?

Я пришел в неопиcуемый восторг. Мне захотелось вскочить на парту и заулюлюкать от нахлынувшей эйфории. Настолько его признание ломало мои представления о нем, об этой школе и обо всех, кто тут учится. Я огляделся – какие тайны могли скрывать эти тихие ботаны! Я посмотрел на Корнилову – может, она по ночам расчленяет людей в парках? Я перевел взгляд на Сашу – о ней плохо не думалось. Дальше на Виталика. Перед глазами поплыла картина, на которой он убегает в неведомую вдаль.

– А как твои родители реагируют на это? – спросил я, вернувшись к Диме.

– Родители? Они в Ставрополе.

Мою отвисшую от удивления челюсть нужно было ловить у земли.

– Ты живешь один???

– Ну бабушкина квартира на этаж ниже. Я к ней хожу обедать и ужинать, а так да – один. Младшая сестра ходит в са-

дик в Ставрополе. И родители там с ней.

– А ты почему здесь???

– Ну так какая разница здесь или там. Математика везде одинаковая.

«И не поспоришь», – подумал я.

Позже на следующем уроке случилось такое, отчего я весь оставшийся день не мог отделаться от улыбки – к вечеру от постоянного напряжения лицевых мышц скулы свело судорогой. На истории после обсуждения значения коллективизации, ее цены для советского народа и последствий для страны, Наталья Алексеевна обвела взглядом весь класс и, остановившись на Корниловой, спросила, что та знает о Великой Депрессии, и как она «оценивает эффективность борьбы с экономическим кризисом разных идеологических режимов». И Корнилова не смогла ничего ответить. ОНА НИЧЕГО НЕ ОТВЕТИЛА!!! Она потупилась, вся покраснела от кончиков ушей и, наверное, до самых пят. И НИЧЕГО НЕ ОТВЕТИЛА! Зато я только на днях дочитал «О мышах и людях» и, заинтересованный этой темой, прошерстил половину русскоязычного интернета.

Пересилив себя, я поднял руку. Наталья Алексеевна несколько удивленно кивнула, и я выдал ответ – все, что знал, о чем читал и смотрел в Ютубе, что думал и о чем размышлял. Когда я замолчал, в классе, казалось, стояла мертвая тишина, словно за окном минуту назад рванула атомная бомба, лишив нас барабанных перепонок. Глаза всех одно-

классников, казалось, устремились на меня, и на мгновение я пожалел, что вообще поднял руку, но тут заметил полный ненависти взгляд Корниловой. О, это был лучший момент в моей жизни! По крайней мере с тех пор, как я учусь здесь. На-ка! Выкуси! Почувствовала, каково в моей шкуре?!

После уроков на доп. занятиях Наталья Алексеевна добила Корнилову, хоть и сдержанно, но все же похвалив меня за эссе, которое я сдавал неделю назад. Теперь она хочет, чтобы к следующей неделе я написал на тему: «Тот, кто управляет прошлым, управляет будущим. Тот, кто управляет настоящим, управляет прошлым». Я знаю, откуда эта цитата – я читал Оруэлла. А еще пару месяцев назад в книге десятилетней давности я читал про декабристов. Там говорилось, какие они были умные, благородные, патриотичные и все такое. А на днях смотрел относительно свежий документальный фильм о тех же самых людях. Только смысл сводился к одному: не бунтуй – будет хуже. Кому верить?

Дурацкая тема. Пожалуй, не буду писать эссе.

29 ноября 2019. Пятница

Сегодня отменился урок геометрии. Мы честно прождали пятнадцать минут – учительница не пришла и, как обычно в таких случаях, начался срач: один говорили, надо ждать дальше, другие – пора валить, третьи вовсе несли такую ересь, от которой глаза закатываются под черепную коробку, как у Тони Старка из Мстителей – они на полном серьезе уверяли, что надо пойти к завучу и попросить замену. Я, Дима, Миша, Эдик, Виталик, Витя, Оля и Саша решили вместо отменившегося урока – а за ним еще следовала большая перемена – пойти в пиццерию. Дима какое-то время упрямился, не хотел никуда идти – он сидел за последней партой вдали от спорящих и решал математику, пока к нему не подошел Миша и не вырвал из рук задачник.

– Эй, – крикнул Дима.

– Дорешаешь на следующем уроке, – ответил Миша. – С пацанами хоть пообщайся, а то говорить разучишься!

Мы пошли в пиццерию. Дима и Миша спорили всю дорогу. Куда девались остальные – не знаю. Может, их и вовсе никогда не существовало. Они иллюзия. Как в компьютерной игре: стоит отвернуться, отойти шагов сто в другую сторону, и текстуры за спиной исчезают, чтобы не жрать лишней оперативы. Не то чтобы я, как Илон Маск, считаю, типа мы живем в матрице, но все же похожие безумные мысли

меня иногда посещают...

Мы заказали одну большую пиццу на всех. Саша сидела напротив. Я искоса поглядывал на нее и думал: «Черт! Какая же она красивая». Я любовался ею незаметно для всех (по крайней мере мне так казалось). Она все время поглаживала золотистые волосы, смешно морщила носик, и улыбалась одними глазами. Про себя я подмечал детали, например, закрученный локон волос или быстрое хлопанье ресниц, когда кто-нибудь задавал ей вопрос, а она сразу не находилась с ответом. Я думал, как описать ее? Как выразить ее красоту на бумаге? Где найти нужные слова? И не находил их. Банальные фразы складывались в банальные предложения. Ничего не получалось. Вот у Тургенева, например, получалось, а у меня почему-то нет. Моя Саша выходила какая-то картонная, ненастоящая, как на рекламном плакате.

– Что? – вдруг сказала она, обратившись ко мне и прикусив белыми идеально ровными зубами кончик указательного пальца.

– Ничего... Так... Просто задумался, – ответил я, поняв, что слишком долго не отрывал от нее глаз.

– О чем же?

Саша засмеялась, а я от ее голоса, от ее игривого «о чем же», чуть лужицей не растекся под стол.

– Да, интересно, о чем ты думаешь, – подхватил обычно молчаливый Витя, – то молчишь целый день, то как выдашь речь типа той, что была на истории.

Я тактично перевел стрелки на Эдика. Тот, обрадованный тем, что общий диалог повернулся лицом к нему, стал, как всегда, рассказывать какую-то небылицу из своей выдуманной жизни. Я не слушал. Опустив глаза, я пытался силой мысли заставить краску сойти с лица, потому что оно у меня горело, будто натертое острым перцем.

За столом говорили о планах на выходные, о плохой погоде, о приближающейся зиме, о городских и всероссийских олимпиадах по математике и физике, о выходе новых сериалов и, наконец, о книгах. Я не заметил, как разговор перекинулся на эту тему, – только с удивлением услышал, как Миша сказал:

– Это бесполезная трата времени. Вот как мне в жизни могут пригодиться «Мертвые души»? Или что мы там последнее проходили?

– Вообще-то Булгакова, – сказала Оля. – Мертвые души в прошлом году были.

– Да какая разница! – воскликнул Миша. – Это бесполезная информация. Надо учить физику. Законы физики – они везде. Мы живем только потому, что они есть, а литература – это чушь.

– Не, – возразил Дима. – Читать надо.

– Зачем?

– Ну... не знаю. Но надо.

– Ты сам-то много прочитал за последний месяц?

– Не. Я мало читаю. Надо больше, но не могу себя заста-

вить.

Еще какое-то время спор между Димой и Мишей продолжался в таком же ключе. Я сидел с непроницаемой миной, боясь поднять глаза, чтобы не залипнуть взглядом на Саше, но в душе я улыбался.

Признаться, было странно слышать, что люди – мои сверстники – говорят о книгах. Мы с друзьями никогда о них не говорили. Представить, что Авдей, или Сева, или Тарас читают книги, я не мог – на такую дерзость моего воображения не хватало. Кто-то из тех, с кем я тусовался раньше, вроде Кости или Леши, – тем более. В моей старой компании чтение считалось делом позорным. Естественно, я никому не признавался в своем пристрастии к книгам.

Помнится, в далеком детстве, когда мне было десять-одиннадцать, а Леше – моему лучшему тогда другу – на год больше, я уговорил его играть в писателей. Мы сочиняли истории, записывали их в тетрадки и затем, меняясь, читали друг другу. Помню, как я удивился, когда, взяв в руки Лешину тетрадь, обнаружил в тексте полное отсутствие пунктуации: там не было ни тире перед репликами, ни кавычек в прямой речи, ни запятых.

Его отцу не нравилось, когда мы играли во что-то. «В вашем возрасте я уже девок мямлял за ляжки, а вы все с солдатиками возитесь», – говорил он. Он, особо не скрываясь, изменял Лешиней маме, и когда та бралась выяснять отношения, он избивал ее на глазах у сына. Леше пришлось быстро по-

взрослеть, а вместе с ним вырос и я. Помню, в тринадцать мы впервые прогуляли школу. Вместо нее целый день бродили по городу и пробовали курить сигареты. Меня потом весь вечер тошнило. Вокруг озабоченно суетилась мама, а я соврал, что отравился в школьной столовой.

Через какое-то время Лешина мать ушла от отца – переехала к бабушке в однокомнатную квартиру и забрала с собой Лешу. Мы с ним виделись все реже и реже, а потом и меня «закрыли» на полтора года, так что мы окончательно потеряли связь.

Задолго до этого к нам прибился Костя, а перед самым Лешиным переездом – Леня. Они тоже не любили читать. К развлечениям в виде уже привычных сигарет сначала прибавилось пиво, потом трава. Дикая конопля сорняком росла повсюду: в полях, в огородах, на заброшенных дачах, возле завода удобрений – везде, где был плодородный ставропольский чернозем. Дичка не всегда вставляла, поэтому Леня у старших научился варить химку.

Это было летом, кажется, в июле. Я запоем прочел все семь частей Гарри Поттера. Несколько дней лежал трупом на кровати не в силах пошевелиться. Мне казалось, я только что прожил целую жизнь – удивительные семь лет в Хогвартсе – и возвращаться на улицу, в обыденность, в реальность, мне совершенно не хотелось. Помню, я даже плакал, уткнувшись лицом в подушку – ревел из-за смерти Уизли. Потом друзья все же вытащили меня из дома. Я им соврал, что болел.

– Как ты, блять, умудрился заболеть летом? – удивился Костя.

– Мы тебя вылечим, – обнадежил Ленья.

Мы пришли на заброшенную водокачку, где раньше играли в догонялки. Ленья развел костер, поставил на него неизвестно откуда раздобытую кастрюлю, залил ее водой, на нее водрузил эмалированную чашку, куда процедил через тряпку растворитель, заведомо впитавший конопляные масла. После того, как растворитель испарился, он крошил в чашку табак из сигарет и, быстро работая пальцами, собрал все масла с еще горячих эмалированных стенок. Довольный, он на всеобщее обозрение выставил получившийся бурый комок, похожий на собачье дерьмо.

– Будешь? – спросил он.

Я отказался.

– Нам же больше достанется.

Через полчаса Леша бесформенным мешком валялся на бетоне возле покосившейся стены. Ленья с головой залез в кусты крапивы и жалобным голосом просил спасти его. Ему чудилось, будто массивная бетонная плита опускается сверху, давит его к земле и вот-вот сомнет череп в мокрую пахнущую коноплей лепешку. Мы с Костей – его еще не разнесло – попытались вытащить Ленью. Тот стал вопить, чтобы мы отвалили, что ему пора идти домой кормить кроликов, что отец убьет его, если он не придет вовремя. Но мы знали: нет у него никаких кроликов, и отец уже год как отбывает нака-

зание за воровство в особо крупных размерах. Костю догнало – он полез на стены. Леня, сам выбравшись из крапивы, схватил кусок кирпича и, пытаясь расшибить мне голову, целый час гонял меня по всей водокачке.

Когда его отпустило, я спросил:

– Ты на хрена в меня кирпичами кидался?

– Ты че, ебанулся? – ответил он. – Я все время у костра сидел. Это ты какую-то хуйню творил.

Пицца кончилась быстро. Еще быстрее пролетело время отмененного урока и большой перемены. Эдик с чрезмерным энтузиазмом заявил, что пора возвращаться в школу. Я с трудом высунулся из своих мыслей. Все одновременно засуетились, полезли в куртки – на улице заунывно пел ветер.

Я шагал рядом за Сашей и наслаждался ее походкой. Один раз она, видимо, почувствовала мой взгляд, обернулась – наградила меня полуулыбкой. Мои губы растянулись в ответной. Она слегка прищурилась, как бы говоря: «Что-то слишком часто я ловлю на себе твои взгляды». И я подумал: «А ведь так и есть».

Мы дошли до школы. Начался урок математики. Дима рядом со мной забормотал какие-то заклинания на древнегреческом: «Лямбда, альфа, сигма минус бетта на омегу...». А я все думал, что заставляет меня пялиться на Сашу? Ну да – она красивая. И некоторые другие девочки в классе вполне себе ничего... Почему именно Саша? Еще меня мучила вторая мысль – прямо терзала мой разум, как коршун – печень

Прометей: ведь и Саша иногда, пусть редко, но отвечает на мои взгляды. Разве нет?

1 декабря 2019. Воскресенье

Вот и закончилась осень – наступил первый день зимы. Снегом пока не пахнет: ни одного намека – только ветер гнусаво воет в заводских трубах, которые неустанно плюют в бледное небо густым сизым дымом. Может, как в прошлом году, зима, сжавившись над южными степями, пошлет нам снежные завалы к Новому году. А может, – сразу выюгу в середине января на одну недельку, и тут же отступит в неравной борьбе с весной. Зоя Алексеевна не раз повторяет, что раньше – ох это стариковское «раньше было лучше» – что раньше снежные зимы чуть ли не закапывали сугробами первые этажи.

Я все реже ее вижу на лавочке у подъезда, а когда мы случайно встречаемся – на лестнице или в магазине – она в основном жалуется на ноги. Ей все тяжелее спускаться по ступенькам со второго этажа.

На следующей неделе у меня день рождения. А еще через неделю – у Авдея. Вчера и сегодня мы собирались обсудить, как будем праздновать. Мама, скорее всего, подарит мне денег – специально чтобы я мог отметить. Думаю, тысячи три. У Авдея будет примерно столько же, так что мы сможем нормально закутить. Авдей чуть не дал заднюю из-за того, что ему придется отмечать ДР до его фактического наступления. «Плохая примета», – сказал он. Но мысль, что

удастся выпить на неделю раньше, да еще и на приличную сумму, убедила его лучше любых слов.

Вообще-то я не очень люблю отмечать ДР. Больше всего мне не нравится сам процесс организации: надо позаботиться о том, чтобы все прибыли вовремя, чтобы всем было весело, чтобы никто не остался в обиде и все такое. Удобно Косте – у него ДР летом, и он просто собирал всех друзей на природе возле речки или озера – мы жарили шашлыки, пили пиво, водку или коньяк – кто что приносил с собой вместо подарка – и все оставались довольны.

ДР зимой – это проблема: куда звать людей, где праздновать? И самое главное – кого приглашать? Авдей, Сева, Игорь и Тарас – само собой, хотя с Тарасом я бы подумал... Раньше надо было бы звать Костю, но он ни с кем из моих нынешних друзей не знаком и вряд ли нашел бы с ними общий язык. А сейчас, может, стоит пригласить одноклассников? Мишу или Диму, например, или Сашу...

Я представил, как они будут чувствовать себя в компании Авдея и Тараса и тут же передумал.

Нет, не буду никого звать. Отметим только своими.

5 декабря 2019. Четверг

Сегодня мне исполнилось семнадцать... Накануне вечером я лежал в постели, дожидаясь сна и думал: семнадцать – это много или мало? И вообще, что такое – семнадцать лет? В каменном веке, когда в среднем человек едва доживал до тридцати, я бы уже перевалил за половину, а сейчас все убеждают меня, что жизнь только началась.

– Ты только начал жить, – заявил сегодня утром отчим, картинно поднимая чашку на манер бокала с шампанским. – У тебя вся жизнь еще впереди, – повторил он уже озвученную ранее мысль. – Эх, где мои семнадцать лет – на большом Каретном... – пропел он под конец своей, как он думал, вдохновляющей речи.

Из-за него я опоздал на первый урок. Шла география. Я тихо постучался, приоткрыл дверь, учительница закатила глаза – она терпеть не могла, когда кто-то опаздывал, но все же впустила, и я прошел на пустовавшее рядом с Димой место. Он, не отрываясь от своих задачек, коротко со мной поздоровался. На середине урока он подскочил на месте, будто ему под рубашку впихнули кусок раскаленного свинца.

– Надо тебе что-то подарить, – громко прошептал он.

Я понял, что не убрал дату со страницы ВК – а ведь хотел, даже поставил напоминание, но все равно забыл – теперь благодаря автоматическому уведомлению заботливого

приложения все знают о моем дне рождения.

Дима засуетился, завертелся на месте, пытаясь разгрести парту от завала из учебников и тетрадок. Из бумажной кучи он выкопал черную ручку «Паркер» в футляре и торжественно немного неуклюже вручил ее мне. Я запротестовал. «Нет-нет, спасибо. Это совершенно лишнее. Не нужно было. Она же стоит кучу денег...» – лепетал я, хотя сам уже вертел ее в пальцах.

– Я ее дома случайно нашел, – пробормотал себе под нос Дима, вновь погружаясь в груды задачников и тетрадок. – Какой-никакой, а подарок.

Остаток урока я не мог избавиться от дурацкой улыбки. Я благоговейно держал ручку тремя пальцами, тремя сложенными вместе перстами, словно для совершения крестного знамения. В воображении я рисовал себя писателем позапрошлого века, когда еще не было компьютеров, текстовых редакторов и даже пишущих машинок – когда орудием словоблуда были перо и чернила.

А после следующего урока я вообще засиял, как небо над северным полюсом во время ураганного солнечного ветра. Возле кабинета математики, как обычно, на перемене толпились одноклассники. Внутрь не пускали – только дежурные раскладывали по партам задания контрольной работы. Я подошел ближе и в полумраке коридора – лампочка возле кабинета перегорела – увидел Сашу. Скрестив ноги и опершись плечом о стену, она стояла возле дверей боком ко

мне. Я невольно задержался взглядом на ее обтянутых синими джинсами стройных ногах. Она повернулась. Время приостановилось – кто-то будто переключил скорость воспроизведения на 0,5х – и я видел все вокруг словно в замедленной съемке с приглушенными растянутыми звуками. Губы Саши едва заметно дрогнули, в глазах блеснуло – отразился случайно забредший с улицы лучик, уголки губ медленно потянулись вверх.

– С днем рождения! – услышал я ее голос.

Мгновенно включились все звуки: словно жужжание пчелиного улья, зазвенел гомон толпы. Кто-то толкнул меня сзади – портфель загораживал проход – я невольно сделал шаг к Саше. Расстояние между нами сократилось до невозможного. Я почувствовал аромат ее духов: запах полевого колокольчика и немного осенней сирени. Голова закружилась. Сердце сначала ухнуло куда-то к полу, но там его поймали и с сопровождающим хоровым пением, с игрой флейты и гобоя, на крыльях понесли к небесам.

– Спасибо, – с трудом выдохнул я.

Саша засмеялась. Дверь кабинета открылась, и ее вместе с потоком засосало внутрь, а потом туда же забросило и меня.

После уроков позвонил Авдей. Полушуточным-полусерьезным тоном он пожелал добиваться целей и удачи во всех начинаниях. Сева написал в Вотсап: «С др крч», – а следующим сообщением прислал видеозапись, на которой Жириновский (или успешно пародирующий его артист) поздрав-

лял кого-то с днем рождения следующими словами: «... Что на день рождения хочешь? Машину хочешь? Жириновский дарит тебе машину. Любую. Какая понравится. Посмотри вокруг: видишь машину? Теперь она твоя. А водитель чего будет говорить, скажи, что машина твоя. Кто сказал? Жириновский сказал. Ну с праздником...» Игорь официальным серьезным стилем в сообщении в ВК пожелал «счастья», «любви», «семейного благополучия». Тарас под вечер написал просто: «Кирилл, с днем рождения!»

Самый главный сюрприз ожидал меня дома. Я, вставив ключ в замочную скважину, попытался повернуть его, но ничего не произошло. Дверь была заперта на второй замок, отпирающийся только изнутри. Он остался еще с тех времен, когда у меня был другой отчим...

Я нажал на звонок. Запертая изнутри дверь могла означать только одно – кто-то был дома. Мать обычно работала до семи-восьми, если не уходила еще и на вторую смену. Отчим возвращался около шести. А сейчас экран телефона показывал только «15:47».

Дверь открыла мама в испачканном мукой фартуке и в рукавице на левой руке. Она отпросилась на полдня, и поменялась с кем-то вечерней сменой. Она испекла мой любимый «Наполеон». Позже, дождавшись отчима, мы сели за стол. Мама украсила торт свечами. Отчим выключил свет. Семнадцать маленьких даров Прометея освещали наши лица в темноте. Я почувствовал, как в груди разлилось тепло. Вме-

сто крови оно потекло по артериям к каждой клеточке тела. Отблески огня играли на стенах и потолке. Мама улыбалась. И глаза ее улыбались. Они будто говорили: «Ну давай же, чего ты ждешь – загадывай желание, и оно непременно сбудется». Я подумал, а если бы действительно исполнилось, что бы я пожелал. Поступить в универ? Уехать из города? Чтобы Саша в меня влюбилась? Или что-то для мамы? А может, чего-нибудь героически масштабного, типа счастья всем, чтобы никто не остался обиженным?

Я набрал полные легкие воздуха, подождал несколько секунд и, ничего не загадав, задул свечи. Кухня погрузилась в темноту.

8 декабря 2019. Воскресенье

Под конец первой зимней недели, к выходным, декабрь обрушил на город голые бесснежные колючие морозы. Грязь на разбитых дорогах абстрактными глиняными скульптурами застыла по обочинам. Люди на улицах, не успевшие переодеться в теплые зимние шубы, хохлились, как снегиря, пританцовывали на остановках и перебежками добирались от магазинов к магазинам. Точно такими же вчера были и мы.

Еще неделю назад мы решили праздновать мой и Авдея дни рождения в сауне – без всяких задних мыслей, исключительно из практических соображений: там тепло, там есть кухня со столом и там есть музыка. Решение оказалось удачным. Пока мы жались к дверям алкомаркета и заглядывали в лица прохожих, пытаясь уговорить кого-нибудь купить нам спиртного, наши мысли уже грелись у обложенной камнями печки.

Наконец, спустя полчаса поисков, совершенно околевав, – я едва чувствовал кончики пальцев – мы упросили незнакомого двадцатилетнего парня купить коньяк и пол-литровую бутылку абсента (никогда раньше его не пробовали). Он согласился помочь в обмен на пиво. Самостоятельно докупив закуски и колы, мы поймали такси и поехали в сауну.

– Не будем терять времени, – заявил с порога Тарас и раз-

лил по бокалам коньяк, а я добавил в них колы.

Выпив, полезли париться. Сева стеснялся своего толстого тела. Он как-бы ненароком прикрывался растопыренными пальцами. Тарас – наоборот, всячески выпячивал кубики на животе, пока Игорь его не осадил:

– Перед пацанам-то чего понтуешься. Педик, что ли?

Тарас сник. Рядом с широкоплечей фигурой Игоря он выглядел комично. На слова Игоря загадочно заулыбался Авдей, и вскоре причина выяснилась. Мы сидели в парилке, когда уже подвыпивший Авдей огорошил Севу словами:

– Сева! Сегодня ты станешь мужиком.

Оказалось, они с Тарасом заказали проститутку. Сева заерзал на верхней полке. Его красное от жара лицо покрылось легкой синевой. Мне даже на мгновение показалось, будто его долбанул сердечный приступ. Он что-то пробубнил себе под нос и вылетел за дверь. Игорь отказался от продажной любви – не хотел изменять своей девушке. Его уговаривать не стали.

Остудившись в бассейне, мы продолжили пить. Сева робко пытался соскочить. Он жалобно блеял:

– Ребят, может, без меня?

Над ним ржали, говорили, чтобы он не ныл и что ему не удастся отвертеться. Растерянный, он выглядел жалко: держался за выпирающий живот, будто хотел подобрать его, но алкоголь внутри заставлял его надуваться. Серые глаза бежали из стороны в сторону, останавливаясь то на Игоре, то на

мне, то на Авдее, будто искали защиту. Мы все по очереди смеялись.

От выпитого в голове шумело, но даже сквозь бессвязный неразборчивый шепот алкоголя я слышал, как разгоняется в забеге сердце. Я заметил, что слишком часто поглядываю на круглые настенные часы с большими римскими цифрами на серебристом циферблате. Проститутки должны появиться с минуты на минуту. Сева закидывался абсентом. Авдей с Тарасом продолжали его подкалывать. Игорь молча взирал на происходящее.

Я вдруг почувствовал невероятно тягостное желание свалить оттуда, оказаться далеко от сауны, где-нибудь в лесу, например, лежать и слушать шум деревьев – как ветки трутся друг об друга, как шуршит листва, как птицы перескакивают с сучка на сучок. Я наполнил бокал и в одиночестве ушел в парилку.

От раскаленных камней давило жаром. Стены сочно пахли мокрым деревом. Я закрыл глаза. Мне, как и Севе, не хотелось участвовать во всей этой истории. Инициатива Авдея и Тараса мне не нравилась, но я не подавал вида, чтобы не оказаться на месте Севы.

Оперившись о горячую стену, я думал о проститутках, о том, зачем они приедут, о голом женском теле... Я ни разу не видел женщину голой. То есть миллион раз – в порнухе, и на картинках, и во всяких там фильмах, и я читал в интернете кучу интимных историй, романтических и грязных, мерзких и

возбуждающих, но живую... Черт... Живую никогда. Что надо делать с этими проститутками? То есть придет какая-то женщина, скорее всего, немолодая, ляжет на кровать, я – рядом, и что потом? Черт... Что потом? Как это вообще происходит?

Так я просидел довольно долго, пока последняя капля сладкой смеси коньяка и колы не провалилась в желудок. По всему телу катились крупные горячие капли пота. Голова кружилась. Пора было выходить, иначе я мог получить тепловой удар. И все же я бы не сдвинулся с места, если бы не пустой бокал. Мне требовался новый глоток чего-нибудь крепкого. Я решил напиться. «Нажрись – а там, будет что будет», – подумал я.

Сева меня опередил. Когда я после бассейна вернулся к столу, он уже якорем свисал с кресла. Игорь, погрузив сознание в телефон, сидел рядом. Из соседней комнаты доносились голоса Авдея и Тараса. Слов я не разобрал, но по их недовольному тембру отчетливо понял: проститутки их обломали.

У меня отлегло. Я даже невольно засмеялся, чем отвлек Игоря от созерцания экрана. Он вопросительно уставился на меня. Я воодушевленно поднял пустой бокал и радостно объявил:

– А не пора ли выпить?

И мы выпили. Потом еще раз. И еще. Потом Сева блевал в коридоре. Я лежал на диване, закинув ноги на спинку, смот-

рел, как на потолке кружился узор из зеленых бабочек и думал, что жизнь прекрасна, пока бутылка не опустела. Вернулись злые Тарас с Авдеем, выпили абсента, я – с ними, потом они опять ушли звонить знакомым девушкам, бывшим и нынешним, настоящим и вымышленным, а я снова смотрел на зеленые узоры на потолке и думал, как из мерзкой гусеницы получается прекрасная бабочка, потом я залипал на фотографии Саши в Инстаграме, хотел написать ей в Ватсапе, криво набрал «Привет. Как дела?», стер «Как дела?», удалил все сообщение и, выключив телефон, снова залип на потолок. Меня окончательно накрыло: чудилось, будто я герой чьей-то книги, чьей-то нелепо написанной истории, плохо продуманной и сочиненной наспех, и этот кто-то заставлял меня думать, что я мудрец, которому снится, что он бабочка, которой снится, что она мудрец...

Когда закончилось время, нас выгнали из сауны. Игорь тащил Севу на руках. Меня шатало. Авдей с Тарасом судорожно допивали остатки.

Было поздно. На улице стемнело, и мороз, больше не сдерживаемый слабым зимним солнцем, с остервенением накидывался на прохожих. Последние деньги я отдал в такси. Тепло салона после уличного дубака растопило коварно скопленный в крови алкоголь. Я чудом выбрался из машины, поднялся на третий этаж и с пятого раза открыл дверь – спасибо, что не заперлись на внутренний замок. Мама с отчимом уже лежали в кровати, поэтому я, собрав всю волю в

кулак, крикнул насколько мог ровным голосом, что вернулся и, не дожидаясь ответа, прямо в верхней одежде завалился к себе в комнату.

Повезло – мать с отчимом ничего не заметили.

9 декабря 2019. Понедельник

Понедельник – день говно. Почему именно с него начинается неделя? Каждый раз, снова и снова, семидневный забег начинается именно с понедельника. Встаешь ни свет ни заря. За окном темно. Подушка тянет обратно в сладкую дрему. Потом, проклиная всех и вся, по холоду плетешься до автобусной остановки, чтобы затем весь день протупить за школьной партой, к вечеру вернуться домой и, сделав домашку, завалиться спать. Так каждый день – одиннадцать лет подряд, черт побери! Поскорее бы кончилась эта сраная школа...

Другое дело, когда неделя начинается, например, с воскресенья. Проснулся не в шесть утра, а в десять или вообще в одиннадцать, провалялся часок, залипая на видюшки из Ютуба, и в хорошем расположении духа вступил в новую неделю. Поскорей бы выходные...

Из-за того, что вчера весь день отходил от субботней тусовки – не то чтобы было очень хреново, скорее какое-то амебное состояние – теперь накатило похмелье в виде плохого настроения: раздражение на весь окружающий мир буквально сжигало меня изнутри. Его я принес с собой в школу.

Дима сегодня не пришел – видимо, заболел, и я просидел все уроки один. Даже поймал себя на мысли, что ужасно не хватает его полубезумного бормотания во время ре-

шения задачек по математике. От скуки я полез серфить по интернету и случайно наткнулся на статью про семнадцатилетнюю школьницу из Луизианы, которая проходит подготовку в НАСА для полета на Марс в 2033. Сначала я не поверил – ее Инстаграм меня убедил. Тогда я грустно поднял голову, печально заглянул в окно на кучу щебня возле дороги напротив школы, бессмысленно лежавшего там уже полгода, потом снова опустил взгляд на экран телефона, увидел рекламу ее книги, продающуюся на Амазоне, и настроение окончательно скисло.

Перед самым окончанием занятий – шел урок обществознания – Наталья Алексеевна сказала, чтобы я достал эссе, которое должен был сделать еще к прошлому уроку. Я ответил, что у меня его нет и не будет. От столь дерзкого ответа ее брови поползли вверх, на несколько секунд задержались над очками и бухнулись обратно. Она тут же раскрыла журнал и без слов нарисовала напротив моей фамилии двойку.

До конца урока я прикидывал в уме, насколько плохи мои дела. Одна двойка по обществу меня не пугала – остальные оценки в порядке, так что средний балл точно превысит тройку. Но вот физика и математика – в них я уверен не был. Мне нужно получить четверки хотя бы по половине предметов, тогда завуч скажет матери: «Вследствие позитивной динамики мы даем вашему сыну еще один шанс». А если человеческим языком, то меня не попрут из школы. Времени осталось мало. Видимо, придется поднажать...

Сегодня Корнилова окончательно выбесила меня перед дополнительными занятиями по истории после уроков. Я сидел за ней. Она очень громко и чересчур напыщенно – впрочем, как и всегда – рассказывала Арине, как здорово она провела выходные: в субботу днем ходила в кино, вечером ужинала в ресторане, а воскресенье посвятила шопингу в торговом центре.

– В кино сейчас ничего не идет. Ну совершенно смотреть нечего. Пришлось идти на «Рождество на двоих». Фильм, конечно, так себе, но зато там играет Эмилия Кларк. Она просто прелесть. Попкорн, правда, был пересоленным. Пришлось выкинуть, – щебетала она.

В эту минуту меня прямо разрывало изнутри, высказать все, что я о ней думаю. Я с трудом сдерживался, чтобы не заорать: «Да всем пофиг на твои выходные». Арина поддакивала и кивала. Корнилова закончила вещать о своих выходных и перешла к новой теме:

– Мы с родителями проанализировали все возможности и решили, что мне надо сдавать историю. Мы колебались между историей и литературой. Потому что, например, на журналистику или филологию нужна литература. На лингвистику по-разному, но чаще история. Но вообще мои родители говорят, что надо идти на международные отношения. В принципе, я с ними согласна...

Тут я не удержался – из моей глотки вырвалось что-то среднее между смешком и звуком, с каким выходит отрыж-

ка. Корнилова с Ариной обернулись.

– Можете обсуждать свои проблемы за дверью? – попросил я. – И отвернись, пожалуйста, ты мне мешаешь, – сказал я Корниловой.

Та сперва ничего не ответила – не могла: ее и без того большие глаза выпучились, она, как рыба, несколько раз открыла и закрыла рот, будто ей нечем дышать, – а потом на меня грязным зловонным потоком полились такие слова, о значении которых я мог только догадываться, будто она говорила на древнерусском вперемежку с французским.

На всякий случай я отодвинулся подальше – казалось, она сейчас, как гарпия, расправит крылья и своими ядовитыми накрашенными когтями вцепится мне в глотку. Тут в класс вошла учительница и волевым окриком остановила смертоубийство.

Что нашло на Корнилову? Я вроде ничего особо грубого не сказал – может, «женские дни». Я, правда, не знаю, что это такое, но, говорят, из-за них девушки звереют раз в месяц.

Вся эта абсурдная ситуация даже немного подняла мне настроение, так что, выходя из школы, я уже не чувствовал себя пропущенным через мясорубку унылым говном, хотя осадок все же остался.

Через три недели закончится вторая четверть. Половина учебного года... Черт... Три недели – так мало! Надо не хватать двоек и изо всех сил постараться выровнять математику и физику.

14 декабря 2019. Суббота

Из-за бесснежного мороза улицы выглядят так, будто их сковало невидимое проклятие – ветки деревьев скрючились, кора покрылась тонким налетом инея, лужи стянуло хрупким стеклом. Все вокруг словно застыло: автомобили, будто впавшие в анабиоз, заторможено катились по дорогам, люди старались без лишней надобности не выходить на улицу, а те, что оказались снаружи теплых комнат, кутались в трехслойные шубы, в меховые сапоги, скрывали руки перчатками и, внутренне сжавшись, медленно ползли по тротуарам.

Идти сегодня гулять совершенно не хотелось. Утром я выглянул с балкона на улицу. Там вокруг печальной голой ивы гуляла женщина с коляской. Глядя, как она переступает с ноги на ногу, как ежесекундно поправляет маленькое одеяло в коляске, я понял, что никуда не пойду. На удивление даже Авдей, пытавшийся улизнуть из дома при любом удобном случае, ничего не написал. Я перебрался несколькими вялыми сообщениями с Севой, типа «Привет», «Как дела?», «Выйдешь сегодня?» Он обыденно отвечал: «Не знаю. А ты?» Он не горел желанием покидать нагретую дарами природы квартиру. А я не имел ни малейшего намерения его убеждать в обратном. Оставалось придумать, чем занять день.

На компьютерном столе и на полках рядом с кроватью

возвышалось несколько неустойчивых башен из учебников. Они угрожающе шатались, когда я проходил мимо, но я изо всех сил старался не замечать их молчаливых угроз. Я знал, что мне нужно сделать кучу домашки на понедельник, еще больше на вторник и что-то совсем невразумительное на среду: по литературе я задолжал несколько стихотворений наизусть, по русскому – два теста, еще с десятков примеров по математике и геометрии и анализ нескольких исторических событий из типовых задачников к ЕГЭ. Немного поразмыслив, я решил отложить это до завтра. Отдыхать ведь тоже надо, разве нет?

После завтрака я устроил свое тело в кресло возле окна, накрылся шерстяным, вязанным еще бабушкой, пледом, достал «Дом, в котором...» и принялся читать. Эту книгу вместе с вложенными тремя тысячами мама подарила мне на день рождения. Деньги я потратил на отмечание в прошлую субботу, а книгу открыл в начале этой недели. Открыл и сразу провалился в нее с головой. Она всерьез угрожала сорвать мне учебу – по вечерам я стремился как можно быстрее сделать ДЗ, иногда как попало, иногда не до конца, чтобы осталось время на книгу, и потом, в течение пары часов, до тех пор, пока набухшие от усталости веки не прятали от меня строчки текста, я проживал вместе с героями их удивительные жизни.

К обеду за окном разбушевался ветер. Он то яростно набрасывался на обнаженные деревья, заставляя далекие топо-

ли у канала – я видел их в окно – трясти своими вытянутыми к небесам макушками, то затихал, вслушиваясь в собственное эхо, и, не дождавшись ответа, вновь неистово ревел от одиночества. Его заглушенный пластиковыми окнами голос усыпил меня с книгой в руках, как какого-нибудь уставшего от жизни старика...

Когда я проснулся, читать уже не хотелось. Я отложил книгу в сторону, бесцельно побродил по квартире, посидел возле телевизора, глядя, как отчим искал в шкафу рубашку. Они с мамой собирались в гости к его дальним родственникам – у кого-то случился юбилей – кому-то, по всей видимости, удалось дожить до пенсии. Они звали и меня, но я благоразумно отказался. В комнату вошла мама в длинном красном платье до пола. Она покрутилась на месте, поинтересовалась, идет ли ей.

– Выглядишь замечательно, – сказал отчим.

Мама засмушалась, а я вдруг подумал, что не могу вспомнить, когда в последний раз видел ее в платье. Кажется, лет пять назад, когда она водила меня на новогоднюю елку, устроенную от больницы, где она работает. Я тогда закатил истерику, типа уже не маленький и заниматься такой херней, как водить хороводы вокруг дерева, я не намерен. До елки мы не добрались – посидели в кафе возле ДК Химиков, поели пирожных и поехали домой.

Мама с отчимом ушли, а щемящее чувство ожидания чего-то неопределенного осталось витать в воздухе. Чтобы за-

глушить его, я включил стендап Поперечного, потом пересмотрел старые ролики Бэдкомедиана, Сатира, дальше просто не отказывался от того, что подсовывал Ютуб. Незаметно подступил вечер. После клипа с танцующими полуголыми девушками стало жарко. Я немного помялся, потом в поисковой строке Гугла набрал наизусть выученный URL всем известного порносайта – понятно для чего – по привычке выкрутил звук на ноль, но, вспомнив, что кроме меня в квартире никого, вернул громкость обратно. Через пять минут, вымыв руки с мылом, я отправился на кухню съесть пару бутербродов.

Вскоре вернулись мама с отчимом. Они из прихожей плавно переключались на кухню, сбежать откуда я еще не успел. Отчим был навеселе. Он достал из своего тайника бутылку вина, разлил два бокала, на мгновение замешкался над третьим.

– Хочешь? – спросил он у меня.

Я хотел. Слюна так и текла, как у собаки Павлова, пока красная жидкость, переливаясь, играя в свете тусклой кухонной лампочки, струилась в бокал. Я отказался. Пальцы вцепились в кружку с чаем.

– Владимир, ты в своем уме? – возмутилась мама. – Он же еще ребенок!

Отчим пожал плечами и убрал бутылку под стол. Я попытался выскользнуть, но был пойман у самого выхода. Они стали пытаться меня вопросами, типа «как дела в школе», «что

новенького», «чем сегодня занимался» и так далее. Я отвечал с неохотой, односложно.

— Ну а что, девушка-то есть у тебя? — спросил отчим.

Я ответил, что нет, а если бы и была, то он бы об этом не узнал. Он задавал еще какие-то дурацкие вопросы. Я огрызался. Потом он снова завел свою галиматью о том, как важно в этом мире быть хорошим человеком, держаться правды, любить родину и все такое. Это продолжалось до тех пор, пока мама не сказала:

— Володь, иди спать.

Он еще немного побубнил для самоутверждения, потом тяжело, с отдышкой, поднялся и побрел в спальню. Через секунду оттуда донеслось бормотание телевизора.

— Ну я тогда тоже пошел, — сказал я и встал из-за стола.

— Ох, Кирилл, почему ты все время от меня бежишь?

Я сел обратно. Мы какое-то время молчали. Тускло светила лампочка. Громко тикали настенные часы. Из-за приоткрытой в ванную двери слышались редкие звуки разбивающихся об умывальник капель. Равномерно урчал холодильник. Я спросил, как дела на работе. Мама ответила, что все по-старому.

Она всю жизнь проработала медсестрой в хирургическом отделении Центральной Городской больницы, а около года назад устроилась еще няней в роддом. В детстве она часто рассказывала мне, что после школы пошла учиться в политехнический техникум, но, проучившись всего год, поняла

– не ее, и стала медсестрой. На это вдохновила ее бабушка – моя прабабушка, которая с родителями в 30-е годы бежала из-под Тамбова от раскулачивания на юг, во время войны еще девочкой пошла медсестрой на фронт, где встретила своего будущего мужа. У них родился сын – мой дедушка. Он в двадцать четыре года женился на моей бабушке. Он буквально забрал ее из детского дома, когда ей исполнилось восемнадцать. У них родилась дочь, а через тридцать один год, скорее всего по залету, на свет появился я. Вот такая нить тянется из прошлого в настоящее и дальше, надеюсь, в далекое будущее.

У мамы с бабушкой были странные отношения, как в таких случаях говорят, неоднозначные. Мама больше любила дедушку – я ни разу не встречал более доброго человека, чем он. С бабушкой временами было сложно. Ее тяжелый характер мог дать о себе знать в любое время по любому пустяку. Она стала особенно ворчливой, когда заболела и слегла. Дедушка ухаживал за ней как мог – отдавал ей все, что от него осталось, и еще умудрялся сохранить немного своей доброты для меня. Когда ее не стало, он угас быстро – продержался еще три года на остатках былой воли – и ушел следом. Дом, который он некогда построил собственными руками, мы продали, чтобы расплатиться с ипотекой за квартиру. Тогда-то в нашей жизни и появился тот риелтор, который как-то слишком быстро стал моим отчимом...

Смерть деда стала одним из первых звеньев в цепочке со-

бытий, которые в четырнадцать лет, в мои «средние века», заставили меня сделаться из улыбчивого жизнерадостного ребенка хмурым замкнутым в себе интровертом. Мама иногда говорит: «Кирилл, где твоя улыбка? Ты раньше был таким веселым, а теперь из тебя смех клещами не вытащишь». На этом моменте она обычно замолкает, я вымученно улыбаюсь в ответ: мы оба знаем причину, и оба об этом не говорим.

Я допили чай. Бокал перед мамой тоже опустел. Она молча сидела за столом, пока я мыл посуду – наверное, со спины смотрела, как я неумело, нелепо натираю бокал моющим средством. Потом мы разошлись по разным комнатам.

Я не мог уснуть, поэтому сел писать этот текст. Я подумал – может, через пару лет, когда я буду жить совсем другой жизнью, будет интересно вспомнить, как проходил мой обычный, ничем не примечательный, скучный выходной день.

17 декабря 2019. Вторник

Пошла неделя итоговых контрольных работ. От некоторых из них зависит, останусь ли я в этой школе после новогодних каникул или меня попрут отсюда куда подальше, типа попробовал – не получилось, вот и вали обратно в свою вонючую дыру, откуда ты так смело высунул нос.

С божьей помощью мне удалось написать важнейшую контрольную по математике. Хотя бог здесь ни при чем – помог мне не он, а Дима. Свою оценку я еще не знаю – учительница проверит работы только к завтрашнему дню, а может, и вовсе к концу недели, но я уверен – двойки не будет.

На большой перемене после столовой, когда мы ждали начала химии, Миша громко жаловался на «бессмысленные и никому не нужные гуманитарные предметы». Он считает потерей времени готовиться, например, к истории, когда на носу олимпиады по физике. Я же наоборот – с ужасом жду третьего урока четверга, на котором учитель физики, лысый полный мужик в очках, обещал рентгеном просветить наши знания по его предмету.

Я возражал Мише, что история нужна, чтобы понимать происходящие в мире процессы.

– Да какая разница, что там происходит в мире?! – воскликнул Миша. – Вот конкретно тебе чем поможет в жизни знание о Куликовской битве?

Я не пытался переубедить его. Честно говоря, я и сам не знаю многих ответов на его вопросы. В моей голове постоянно крутились даты, имена и события – из мировой истории и истории России, из прочитанных книг, просмотренных фильмов, древнегреческих и раннехристианских мифов – все это мне зачем? Не знаю. Может, чтобы было не скучно.

Легкий спор с Мишей закончился неожиданно: я пообещал в четверг написать за него контрольную по истории, а он за меня – по физике. Мы оба остались довольны этим взаимовыгодным сотрудничеством гуманитарных и технических наук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.